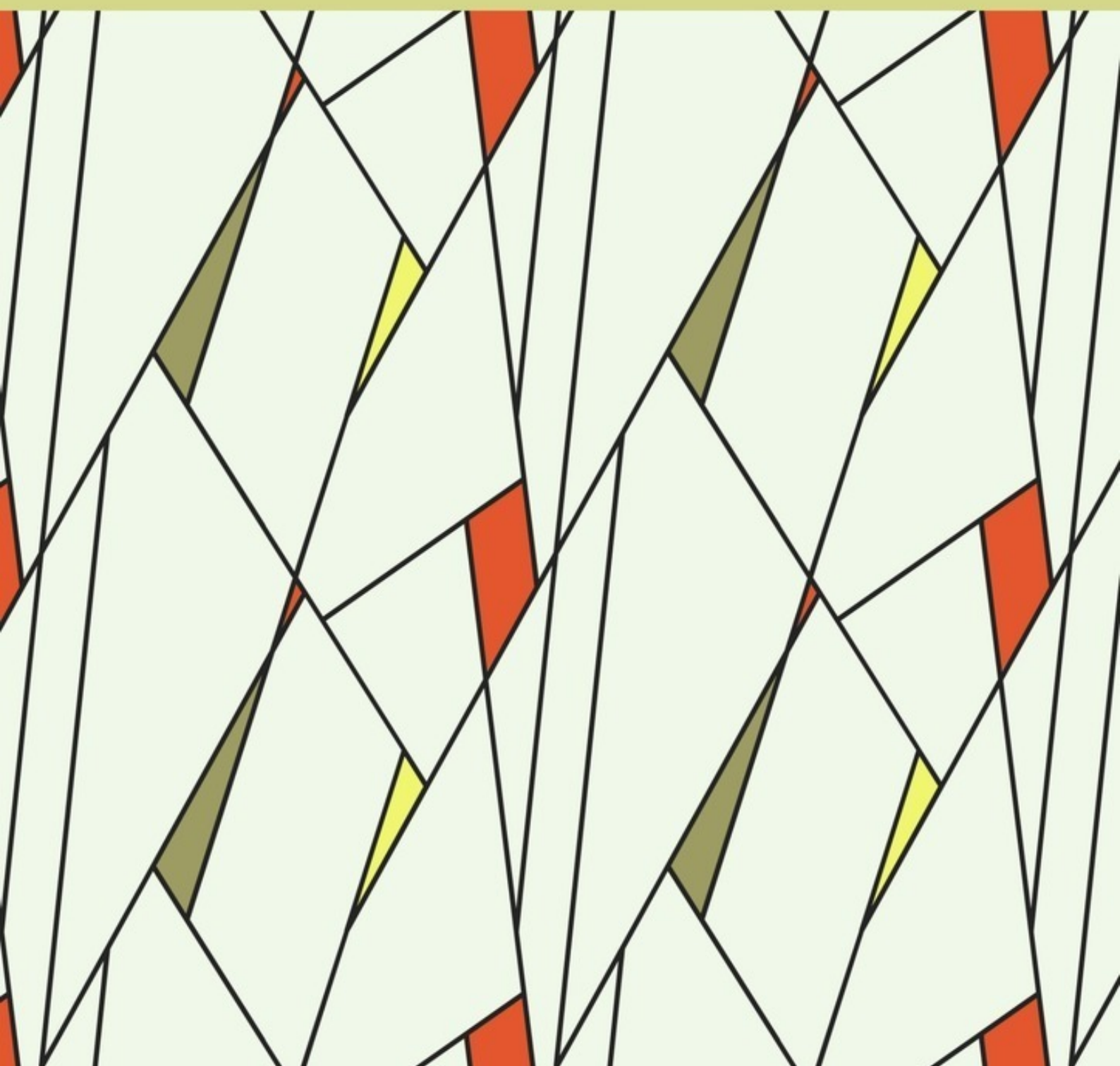

Василий Панченко
На лопате

Василий Панченко

На лопате

«Издательские решения»

Панченко В.

На лопате / В. Панченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859306-2

Учитель истории идет служить в армию, стройбат в Севастополе. Это другая сторона жизни. СССР на грани краха, но тогда об этом никто не догадывался, свирепствует перестройка. И ничего не меняется. Армейский дебилизм без пафоса, люди, судьбы и, конечно, не без любви.

ISBN 978-5-44-859306-2

© Панченко В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Прелюдия	6
Судьбоносный день или коровы не летают?	6
Поход в военкомат	8
Прощание с гражданкой	11
Шмон, да и только	13
Большая честь!	17
Приехали! Севастополь	19
Глава 2. Духи вешайтесь или Свет Учения	21
Табель о рангах срочной службы	21
Вот вам «духи» Новый год	22
Спокойной ночи	26
Один за всех	30
Свет учения	32
Присяга Родине	38
«Будем сажать» и другие новости	40
Глава 3. На лопате	42
Первая рота	42
Бригада Ковтуна	44
Национальный вопрос	46
Поднять одеяло	48
Трудный день	51
Гуманизм или просто покурим?	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

На лопате

Василий Панченко

© Василий Панченко, 2017

ISBN 978-5-4485-9306-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграф должен предшествовать всякому эпохальному произведению.

«Бог создал женщину и Рай,

А черт – стройбат и Крымский край».

(Из солдатского фольклора)

Глава 1. Прелюдия

Судьбоносный день или коровы не летают?

С тяжким глухим стуком, что-то рухнуло за спиной Куликова, даже тропинка по которой он шел, дрогнула. Молодой человек обернулся. В двух шагах лежала полутуша коровы. «А если бы на голову?! – подумал Куликов. – Школа не досчиталась бы уже сегодня молодого специалиста, вот, почему говорят хорошо, что коровы не летают». Высоченный забор, из бетонных плит, украшенных сверху колючей проволокой, принадлежал мясокомбинату. Тропинка вдоль него вела к школе, была короткой, но опасной дорогой. Эта замороженная насмерть полутуша весом в сто кг объясняла путь, по которому мясо поступало на столы горожан по сниженной цене. Хотя в магазине и кости в те времена не продавали. Все по талонам.

Протяжное брюзжание школьного звонка означало конец урока. Семиклассники, создавая невероятный шум, кинулись к выходу. Куликов даже не успел сказать сакраментальное учительское: «Звонок для учителя!». Эта фраза – приказ сопровождается обычно парализующим взглядом удава, пригвождающим бандерлогов-школьников к партам. Опыта маловато, молодой учитель. Несколько мгновений спустя, последний бандерлог, с испачканной мелом спиной, исчез за дверью класса.

Бандерлоги, – это сказала на педсовете учитель русского языка Нелли Рудольфовна в рамках критики «методов» работы Куликова с детьми. Так и сказала, – «После Ваших уроков дети ведут себя как бандерлоги в лесу!». Куликов не удержался и поправил: «В джунглях». Лучше бы ему этого не делать. Тут уже на него с критикой обрушились все «тортилы» – учительский актив школы. Само понятие «бандерлоги», после этого закрепилось в учительском лексиконе на неформальном уровне. «Тортилы» – тоже из этого же лексикона. Куликов, как молодой учитель, еще недавно бывший в рядах «бандерлогов» изо всех сил овладевал учительской наукой.

«Ну вот, распинался сорок пять минут как проклятый, а они вылетели, будто чума за ними гонится. Не так просто сеять разумное, доброе, вечное. Ничего, ничего, ребятки. Я к вам ключик все равно подберу. Никуда вы не денетесь, – размышлял Владимир Сергеевич Куликов, молодой учитель истории».

Куликов заполнял классный журнал, добросовестно, не для проверяльщиков. Он уже понял, что это помогает в работе. Тема урока! Даже, если учителю дадут пустым мешком по голове и отберут конспекты, он, увидев тему урока, сможет сообразить, что сегодня говорить детям. А не глубокомысленно, словно проверяя бдительность учеников, спрашивать отличников, что мы проходили на прошлом уроке. Это не комильфо.

В проеме дверей появилась головенка крошечной по сравнению с ее белым бантом девочки. Опрятность, бант и безапелляционный тон выдавали отличницу-активистку с головой. В ответ на вопросительный взгляд учителя отличница громко пропела: «Владимир Сергеевич! Вас вызывает директор!» Не дожидаясь ответа, вышла из класса.

Заполняя журнал, Куликов перебирал в памяти свои «грехи». Ничего особенно предосудительного за ним не числилось. «Видимо, мои бандиты-шестиклашки набедокурили», – решил он. Свой класс, где его поставили классным, Куликов никогда не называл бандерлогами, просто бандитами. Он их даже успел полюбить – этих бандитов. Классным руководителем его назначили вопреки инструкциям Минобраз. Причины было две, «а больше некому» и чтобы сразу хлебнул учительской баланды, проглотит, не захлебнется, значит, будет учителем.

Кабинет директора школы находился этажом ниже. Спускаясь по лестнице, Куликов мельком взглянул на свое отражение в зеркале, висящем на стене. Без особой необходимости

сти поправил галстук. «В человеке все должно быть прекрасно, и усики, и морда-лица, и галстук», – подумал Куликов. Очень не по душе был ему этот внезапный вызов к директору. В сердце юного, не пуганного начальством специалиста, росло неясное беспокойство. Беспокойство выросло в предчувствие неприятностей. Хорошего мало, когда Мать – моржиха без видимых причин вызывает к себе. Для дружеской беседы она не брезгает подняться на второй этаж в кабинет истории или приглашает лично.

Мать – моржиха – так школьники окрестили своего директора. Незаметно прозвище просочилось в неофициальные беседы учителей. Дети придумывают очень липкие и точные прозвища. Мать – моржиха, как некое божество, строгое, но справедливое, а ведь кто-то, всю жизнь, проработав в школе, так и остается ненавистной Шваброй.

Справившись с неожиданным волнением, Владимир Сергеевич, троекратно постучал и вошел в кабинет.

Мать-моржиха, в миру – Маргарита Ивановна, дородная женщина, перелистывала тетрадь, явно что-то искала. Куликов недолго наблюдал, как ловко переворачивают страницы пухлые пальцы-сардельки в поисках его судьбы.

– Вот. Нашла. Вы в армии не служили? – она извлекла из тетради желтовато-чахоточный лист бумаги размером с квитанцию о починке обуви.

– Не пришлось как-то, – слегка опешил Куликов.

– Вам повестка из военкомата.

Он прочитал короткий текст, предлагавший явиться на медкомиссию. Ошибки не было – явиться предлагалось ему – Куликову В. С.

– Я, как директор школы, не заинтересована, в середине учебного года остаться без учителя. – Она по-матерински и в то же время лукаво взглянула на внешне невозмутимого Куликова, подумавшего, вдруг: «Ну, ведь действительно Мать-моржиха!». – Я думаю, – сказала Маргарита Ивановна доверительно, – через районо мы добьемся отсрочки до весны. А там будет видно.

– Мне кажется, до этого не дойдет, – сказал Куликов, – скорее всего переосвидетельствование. У меня в военном билете написано: годен к нестроевой службе в военное время. По зрению не годен для службы, – он поправил очки. – Со времени последней комиссии я лучше видеть не стал. Так что учитель для школы уцелеет.

Куликов перевел, неприятный, в смысле «отмазаться» от армии, разговор на другую тему. Опытному и начинающему педагогам всегда есть о чем поговорить. Полчаса спустя, полностью удовлетворенные словесным пинг-понгом на педагогические темы, учитель и директор тепло распрощались. У Куликова получился какой-то судьбоносный день, утром его едва не убили полутушей коровы совершавшей свободный полет через забор мяскокомбината. Ближе к вечеру о нем, внезапно вспомнил военкомат.

Поход в военкомат

На следующий день после уроков Куликов отправился в военкомат. Он пребывал в отличнейшем настроении, урок обществоведения в 10 классе с использованием опорных сигналов прошел блестяще. Еще и еще раз, мысленно прокручивая урок, он убеждался, что напал «на золотую» жилу педагогики. Спасибо учителям-новаторам, написавшим брошюру, случайно попавшую Куликову в руки на очередном порожнем семинаре. Брошюра была по биологии, но Куликов уловил суть и сделал конспект по обществоведению. Особо он восхищался тем фактом, что упорный двоечник, давно забивший на все, что можно, в том числе на учебу, в ходе урока смог членораздельно ответить на вопрос, чему и учитель, и ученик, и весь класс буквально изумились. Метод работал! Любой осел находясь на уроке, будет вынужден, хоть что-то запомнить, а если он приложит минимальные усилия – это победа науки над ученическим мракобесием. Эти мысли грели Куликову душу. Он не рассчитывал получить за это Нобелевскую премию, но уж на педсовете «тортилы» умоются!

Военный комиссариат располагался в древнем здании на высоком холме, по склонам и у подножия струились кривые улочки Старого города. Кривизна улиц не смогла скрыть законную добычу от всевидящего ока военкомата рассылающего бумажки-повестки снующим внизу людям.

Куликов подходя к военкомату, с увлечением планировал грядущие успехи на школьной ниве, но как вскоре выяснилось, его планы серьезно шли в разрез с планами Министерства обороны по призыву на службу Отечеству.

Симпатичная шатенка в военной форме, – «крашенная», – машинально отметил Куликов, объяснила, что на медкомиссию вход со двора. Куликов обошел здание, поднялся по лестнице в маленькую прихожую, превращенную в раздевалку. От множества полураздетых тел, плотно набившихся в комнату, она казалась меньше своих крошечных размеров. В воздухе витал запах спортивных раздевалок – запах невымытых тел.

В обмен на повестку ему вручили бланк, с которым призывники должны обойти врачей медкомиссии. Раздеваться он счел не совсем удобным. За два года учительства в нем засела убежденность, что учитель – человек особенный не только делами, но даже внешним видом должен внушать уважение к себе. Какое уважение к человеку в майке и трусах? Куликов окинул взглядом завешанные одеждой крючки на стенах раздевалки и решил пройти, к окулисту не раздеваясь. «Если зрение по-прежнему не позволяет служить, незачем отвлекать других врачей», – подумал он.

Врач-окулист – расплывшаяся по стулу в бесформенном белом халате, усыпанном рыжими пятнышками, после осмотра, произнесла равнодушно:

– Ну что ж, с таким зрением служить можно.

– Что вы сказали? – переспросил Куликов.

– В армию пойдешь. Вот что! – ответила женщина, раздраженно повышая тон.

– На каком основании? – заинтересовался Куликов. Прошедший не одну подобную медкомиссию, он разбирался в «основаниях».

– Обойди все кабинеты – узнаешь! – пояснила неласково окулист.

– Послушайте, судя по результатам, зрение у меня не улучшилось, так почему раньше был негоден, а теперь годен?..

Наглость призывника вызвала бурю негодования у этой с виду флегматичной одинокой дамы. Она заколыхалась всеми складками своего упитанного и засунутого в халат тела, расценивая вопрос как явную попытку уклонения от службы РОДИНЕ. Практически задохнувшись от патриотического гнева, прохрипела:

– Не мешай работать. – После небольшой паузы с издевкой в голосе добавила: Галстук надел, а в армии служить не хочешь!? Иди, раздевайся как все, защитничек! Майор тебе быстро объяснит, что и как!

Куликов был несколько обескуражен – защищать от кого ба то ни было жирную неопрятную тетку окулиста, в его планы не входило. Он не планировал «косить» от армии, так как был уверен, что по состоянию зрения негоден к службе. Теперь он вдруг понял, что жизнь как-то неожиданно круто меняет направление движения.

Куликов, как все, в трусах пошел по конвейеру медкомиссии. К здоровью призывников врачи особенно не придирались. «На что жалуешься?», «Чем болел?», «Травмы были?», вне зависимости от ответов в листке появлялась подпись и резолюция «годен».

Часа через два Куликов добрался до руководителя призывного конвейера майора Алдошкина, чрезмерно тощего человека. Даже с близорукостью Куликова было видно, что не в коня пришелся армейский корм.

Майор Алдошкин сидел посреди длинного сооружения, составленного из нескольких выдавших виды столов, в гордом одиночестве. Майору было муторно, сегодня Зина, крашенная девушка направившая Куликова в обход здания военкомата на медкомиссию, недвусмысленно намекнула Алдошкину, что если он не прекратит свои домогательства, она, Зина сообщит начальству и скажет мужу и тогда на одну разбитую морду в армии станет больше.

Куликов отдал лист с единодушными резолюциями врачей и сел на единственный стул, стоящий напротив места, занятого майором. За время стояния в очередях в кабинеты Куликов теперь почувствовал усталость, до этого он провел шесть уроков – все на ногах, такая специфика работы учителя. К тому же он не успел пообедать. От хорошего настроения уже давно ничего не осталось. Ему, уже как-то свыкшемуся с мыслью о долге Родине, который нужно отдать, все таки было интересно, почему он вдруг оказался «годен», хотя войны, по крайней мере, официально объявленной не было, если не считать Афганскую. Шел третий год Горбачевской Перестройки и в газетах иногда писали, что порой в армию призывают черт знает кого, лишь бы выполнить план призыва и плевать на здоровье. Куликов, человек не без патриотического пафоса, однако закрывать собой брешь в плане призыва не собирался.

– Товарищ майор, начал Куликов, намереваясь уладить дело без скандала, – мне кажется, окулист ошиблась. Она написала «годен к строевой», но по статье 93 в, с моими семью диоптриями я годен к нестроевой в военное время.

Майор только, что бездумно перебиравший ворох бумаг, лежавших перед ним на столе, чтобы как-то отвлечься от светлого образа Зины, посмотрел на Куликова и внезапно заорал:

– Встать! – Одновременно с криком, вырвавшемся из тщедушного тела майора, тело его подпрыгнуло, отбросило в сторону стул, на котором только-только покоилось. Усилием воли Куликов заставил себя сидеть, блее того, непринужденно откинулся на спинку стула. Прищурив глаза, отчего его лицо приобретало брезгливо-презрительное выражение, Куликов пристально посмотрел на майора. Их разделял не только покрытый куском кумача стол, их разделяло нечто большее – словно столкнулись две различных цивилизации. Выдержав паузу, в гробовой тишине комнаты, наступившей после вопля майора, Куликов миролюбиво сказал:

– Сядьте, майор. Не надо на меня кричать, я с вами в одном полку не служил.

Алдошкин открыл, было, рот, однако, что-то ему подсказывало, что кричать будет глупо. «Если человек в трусах не трепещет перед тобой, значит – это... это, что?», – мог бы подумать Алдошкин, но не подумал, а понял всем своим военным нутром. Он придвинул стул и сел.

– Фамилия? – спросил раздраженно Алдошкин.

– Куликов Владимир Сергеевич.

Фамилия ничего не сказала Алдошкину, не генеральская или там члена Политбюро ЦК КПСС.

– Год рождения?

– Тысяча девятьсот шестьдесят третий.

Когда майор спросил «Где работаешь?», Куликов вежливо попросил говорить ему «вы» и ответил: «В школе, учителем».

Майор уже успокоился, и говорил с Куликовым корректно, постоянно путаясь в «ты» и «вы». Хотя в Уставе, а это Закон для военного, написано просто и понятно – Все военно-служащие обращаются друг к другу на вы, в жизни военной, как и гражданской все как-то не близко к уставам.

Куликов выяснил, что его признали годным к прохождению службы в армии на вполне законных основаниях. Советский Союз к концу 80-х годов чувствовал себя неважно. Как любая болеющая империя стремилась накачать военные мускулы, в тогдашнем понимании больше и больше солдат. А вот с этим было плохо, демография подкачала. Выход нашелся, рамки годности к действительной срочной службе расширили до невообразимых пределов. Ну, если уж совсем без ног и без рук, тогда все же нет, а жаль.

Прощание с гражданкой

После посещения военкомата прошло почти два месяца. Все это время Куликов продолжал работать в школе. Мысли о службе в армии постепенно ушли на второй план, уступив место повседневным школьным заботам. Службу в армии как единственную ближайшую перспективу он принял спокойно. Война всегда приходит не во время (не дай бог конечно), и нужно уметь защищать Родину. С другой стороны в школе всегда хронически не хватает учителей мужчин, воспитание получается какое-то однобокое женское. Пользы обществу от Куликова по логике было больше именно в школе, чем в стройбате. Если бы речь шла о ком-то другом, разумеется, Куликов выбрал бы «другую сторону». Но для себя он не мог выбрать школу вместо армии. Все служат – значит и я должен. «Отец воевал в Великую Отечественную, дед в Первую мировую, ну и я послужу в армии», – думал Куликов. От предложения директора школы добиться отсрочки Куликов отказался. Даже майор Алдошкин, который армию знал изнутри, неожиданно предложил отсрочить призыв до весны. С одной стороны он показался Куликову не таким уж солдафоном, хотя возможно хотел немного заработать на этом деле, как показалось Куликову. От этого предложения он тоже отказался. Для себя Куликов задачу решил, труднее было объяснить все жене. Понятия долг и родина для женщины значат что-то только по отношению к ее ребенку. Главный долг – вырастить ребенка. Ребенку нужен отец. В итоге дискуссии слезы жены подсохли. Как показалось Куликову, он сумел убедить жену, что судьба посылает им испытание. Он сказал ей, что одной ей тут будет трудно, нужно ехать к его родителям, там большой дом и с ребенком будет проще.

В конце декабря 1988 года Куликов получил повестку. Армия уже ждала своих последних солдат Советской империи. Утром следующего дня, Владимир Сергеевич Куликов пришел на работу. Последний день на полтора года вперед он был для всех окружающих его людей Владимиром Сергеевичем, в армии он будет в лучшем случае просто Куликов.

В учительской Куликов выставил своим ученикам оценки за полугодие в классные журналы, то есть подвел итог своей работы. Краткое прощание-чаепитие с коллегами было до этого и теперь в учительской никого не было. Как и в целом в школе после уроков почти никого не осталось. Выйдя из учительской в просторный коридор-рекреацию, где на переменах обычно бесятся школьники. К нему, откуда ни возьмись, подскочил известный всей школе хулиган, двоечник семиклассник Сидоров. «Чё, Владимир Сергеевич, в армию забирают?», счастливо улыбаясь, ехидно констатировал Сидоров. И совершенно необдуманно добавил тихо: «Сука». Куликов, мгновенно оценил ситуацию. В коридоре никого нет, только что, поставив последние оценки, он перестал быть учителем. Он теперь просто призывник Советской армии. Раньше, когда сам учился в школе и был совсем недавно, будучи студентом Куликов, не был излишне рафинированным паинькой. Сидоров этого не учел, он привык издеваться над учителями, как захочется, и ошибся, когда после сказанного побежал. Куликов в два прыжка догнал Сидорова и отвесил ему очень душевный пинок ниже спины, вложив в него все, что накопело в учительском коллективе за годы обучения Сидорова. Сидоров отлетел метра на два и, приземлившись, с обидой сказал: «Дурак!». Куликов ситуацию уже оценил до своих действий, а Сидоров только теперь понял что погиб, бежать было некуда. Выход из коридора на лестницу был за спиной Куликова. Куликов подошел к обмякшему хулигану взял его нежно за шиворот и на доступном Сидорову языке (которым Куликов владел без словаря) объяснил, что сука – это мама щенка, и кто тут «сука», а кто дурак? Бить Сидорова Владимир Сергеевич не стал, свято помня слова, которые сказала ему Мать-моржиха при приеме на работу: «Детей бить нельзя, посадят». Проведя воспитательную работу с Сидоровым, Владимир Сергеевич отпустил незадачливого хулигана и обернулся. В дверях своего кабинета, рядом с учительской стояла, завуч школы Вера Ивановна и улыбалась. Куликов подошел к ней, обменяв-

шись несколькими фразами, они попрощались. Куликов так и не понял, в какой момент Вера Ивановна вышла из кабинета, до пинка или после.

Вечером в узкий пенал девятиметровой комнаты Куликовых, жизнерадостно ввалились немногочисленные друзья.

Рассказы о былой службе, все уже отслужили, перемежались с тостами за успех новобранца. Куликов почти не пил. Незаметно подкралось время прощаться. Русский обычай присесть на дорожку установил в комнате гнетущую тишину. Через несколько мгновений Куликов сказал: «Пора». Голубоглазый карапуз, семимесячный сынишка Куликова заплакал, как будто понял, что папа уходит надолго. От этого плача Куликову стало невыносимо грустно на душе, но он, глядя на Снежку пришедшую провожать его учительницу рисования соседку по общежитию для молодых специалистов почему-то подумал: «Снежка, белокурое чудо, с длинными ресницами и ямочками на пухлых щечках, почему же я ее не трахнул-то, а ведь были возможности?». Он даже устыдился этой странной, не к месту, мысли и ему совсем стало не по себе от прощаний.

Возле военкомата шумело хмельное море провожающих. Куликов стал продираться сквозь толпу, плотно сгрудившуюся перед входом. Когда до крыльца остались считанные метры, на его пути стал здоровенный парень. «Вот ему бы служить в царской гвардии», – подумал Куликов. Парень-«гвардеец» вместе с перегаром выдохнул угрожающе:

– Куда прешь?

Куликов, улыбнувшись, скромно ответил:

– В армию.

В толпе кто-то засмеялся. «Гвардеец» подобрел, разгреб своими ручищами толпу и провел Куликова до самого крыльца. На прощание похлопал по плечу и сказал: «Служи, братишка».

Шмон, да и только

После шумной улицы в помещении было удивительно тихо. Куликов еще не успел осмотреться, как прогремел знакомый командный голос тощего майора Алдошкина, распорядившегося отправкой призывников:

– Строиться на втором этаже!

Куликов присоединился к тихой, бесформенной массе молодых парней. С этого момента для него начали стираться понятия «я», «он», заразой поползло безликое «мы». Призывники поднялись на второй этаж. Потрепанные ватники, засаленные куртки, замызганные рюкзаки, поношенные шапки. Казалось, эти оборванцы всю предыдущую жизнь провели на улице. Глядя на своих спутников-оборванцев, Куликов подумал, что его не новая, однако, вполне приличная одежда, может в дальнейшем вызвать нежелательные столкновения с так называемыми «дембелями». О порядках в армии он много слышал от друзей, которые давно отдали свой долг Родине в рядах Советской армии. Он прогнал от себя мысли о дембелях, что гадать, скоро многое станет понятно, как и что, тогда будет видно, что делать, и кто виноват.

В основном призывникам только-только исполнилось восемнадцать лет, они в целом ничего хорошего от службы не ждали, хотя и не особо заморачивались на эту тему. Надевая вещи место, которым на свалке, морально готов подчиниться не писанным армейским законам. Морально готовы быть униженными, чтобы после «возвыситься» унижая других. Впрочем, вслух все против дедовщины и не собираются унижаться, ни тем более унижать.

Тридцать человек построились в две нестройных шеренги в длинном коридоре.

Майор командовал:

– Первая шеренга, два шага вперед!

– Кру-у-у... ом!

Повернулись кто как.

– Снять рюкзаки, развязать и поставить перед собой.

– Зачем? – спросил кто-то.

– Разговорчики! – рявкнул в ответ Алдошкин, но ответил. – У нас есть опыт отправки призывников, поэтому для вашей же безопасности, нужно проверить наличие спиртного и других недозволённых вещей.

Майор ловко обшаривал рюкзаки. Бутылка водки и дезодорант составили его улов спиртных напитков. У особо подозрительных вывернул карманы. Копаться в вещах Куликова, безучастно наблюдавшего шмон, не стал. «Доверяет» – с какой-то долей благодарности отметил Куликов. Обыск закончился, началась погрузка в автобус. Пьяный гармонист из числа провожавших насильно охрипший на морозе инструмент и орал дурным голосом похабные куплеты в тему. Только автобус тронулся в путь, гармонист стал рвать хромку, извлекая из нее душераздирающие звуки марша «Прощание славянки». У всех женщин глаза стали мокрыми от слез. Слезы, выкрики, напутствия провожавших уже никого не трогали, словно остались в другом мире.

Автобус, рыча и сигналив, рассек расступившуюся толпу и, подпрыгивая на ухабах, скрылся за углом, направляясь на железнодорожный вокзал. За автобусом погнались несколько легковых автомобилей набитых под крышу друзьями и родственниками призывников.

Кутерьма перрона мелькнула и осталась позади. В вагоне Куликов занял верхнюю полку. Даже в общем вагоне на верхней полке можно отделиться в свой мирок, во всяком случае, на ноги не сядут. Спать не хотелось. В голову полезли мысли о дедовщине, – что если придется столкнуться с этим, как говорят по телевизору «негативным явлением». Как себя вести? Он считал себя уже довольно взрослым (25 лет!) по сравнению с 18-летними пацанами. Куликову вспомнился недавний эпизод своей педагогической практики, теперь особенно поразив-

ший. После уроков дежурные наводят порядок в классе: подметают, моют пол, как могут, тем не менее, это прививает навыки, которые в жизни не будут лишними и к порядку приучают. Как-то Куликов обнаружил, что мальчишка из его 6-го «б» дежурит второй раз подряд. Он заинтересовался, тем более, дежурства обычно особого восторга учеников не вызывают. Выяснил, мальчишка моет пол вместо «попросившего» его, знаменитого на всю школу хулигана. Куликов не стал раздувать скандал. Поговорил с каждым наедине. Любителю мыть полы вместо других сказал: «Мужчинам иногда приходится отстаивать свою честь кулаками». С «хулиганом» он беседовал много раз, взывать к его чувствам было бесполезно, поэтому Куликов пообещал, при повторении подобного безобразия, назначить его дежурным на целую неделю. «Я сам буду с тобой дежурить, замечательно проведем время», – пообещал он тогда. В поезде, везущем в армию, эпизод виделся по-другому. Это и есть корешки дедовщины, принизывающие общество и приучающие к ней человека, видимо, с детского сада. Куликов всегда мыслил масштабно: «Армия, школа, и все такое, отражают все пороки общества. Глядя на них общество, видит свое отражение, удивляясь его уродству. Менять нужно не зеркало, а то, что в нем отражается». Куликов перевернулся на другой бок, на голой жесткой полке вагона пытаюсь уснуть: «Ну, это я уже загнул».

Рано утром поезд прибыл в Оренбург. Было еще темно, когда перед группой призывников распахнулись ворота областного военкомата. Прапорщик и офицер, звания которого в темноте Куликов не разглядел, отвели колонну к длинному сараю, там, под одиноким фонарем, лучше видно.

Обыск не занял много времени. Поиски оказались напрасными. Все, что призывникам удалось пронести в вагон, уже выпито в дороге. Выкладывая свои вещи на запорошенный снегом асфальт Куликов отметил демократизм процедуры очередного шмона. «В вещах не копаются, люди показывают их «добровольно». Теперь команда, так теперь называлась их группа, была вполне готова пройти медкомиссию. Удивительно, однако, количество медкомиссий как бы «контролирующих» работу одна другой, никоим образом не сказывалось на общем здоровье молодого пополнения армии. Как не старались медкомиссии, а косые, больные, плоскостопные и так далее каким-то непостижимым образом ухитрялись проникнуть в армию!

Холод и запах немых тел витал в коридорах военкомата. Несмотря на скорость приема, в каждый кабинет стояла длинная полуобнаженная очередь. Система простая: полчаса в очереди, две-три минуты осмотра у врача и резолюция в бумагах – «годен». Обойдя несколько кабинетов, Куликов направился к психиатру. Занял очередь. Мимо на костылях проковылял одноногий парнишка. Куликов машинально сказал вслух:

– Этого-то, зачем вызвали?!

Неожиданно голос за спиной ответил:

– Проверяют, отросла у него нога или нет.

Куликов обернулся и узнал одного из своих спутников по ночному путешествию.

– Мне кажется, мы сюда вместе ехали?

Куликов, со вчерашнего вечера практически ни с кем не разговаривал, теперь почувствовал необходимость поговорить. Неважно о чем.

– Меня Владимир зовут, – он протянул руку высокому парню.

– Сашка или Шура. Кто как. Можно Саня.

– Ты работал или учился?

– Работал. На тепловозе помощником машиниста.

– А почему в стройбат? – удивился Куликов.

– Отстал от своей команды, – засмеялся Сашка, – сестренка замуж вышла, мне в армию, а у нее свадьба. Пришлось срочно заболеть. Так и отстал. А ты где работал?

– Учительствовал в школе, – как-то по старорежимному ответил Куликов, сам себе, удивляясь, он ли это два дня тому назад в школе работал?

– Да!? – выпучил глаза Сашка, а сколько тебе лет?

– Двадцать пять.

– Женат?

– Сыну семь месяцев.

– Так что тебя в армию понесло? Нужно было косить до победы, или родить срочно второго с двумя детьми не берут.

Сашка был прагматичным и веселым парнем без комплексов. Если Россия не рухнула за тысячу лет существования, то видимо потому, что такие как Сашка были всегда в народе. Думал между ожиданием своей очереди Куликов.

Женщина врач заканчивала осмотр коротконогого призывника устало спросила: «Как одним словом назвать кровать, стол, стул, шкаф?». Вопрос повис в воздухе. Призывник смотрел на нее круглыми глазами и молчал. Через минуту врач сказала: «Это мебель. Годен». Посмотрев бумаги Куликова, взглянула на него сочувственно: «Берут всех подряд». Вопросов не задавала.

Прошедшим медкомиссию скучать не давали. Для удобства контроля призывников разделили на группы, называвшиеся по военному – взвод. Куликов и Сашка попали в 81-й взвод, судя по номерам, взводов было больше сотни. Людей собрали со всей области. На облещенном плацу военкомата их все время строили, перестраивали и пересчитывали. Это мало кого расстраивало. Всех волновал важнейший вопрос: Куда пошлют? Страна-то большая. На эту тему слухи были самые невероятные.

Излишне хмурых лиц почти не было. Мальчишек охватило бесшабашное веселье пополам с нервным напряжением. Скопление людей напоминало вокзал, где воедино и ненадолго всех связывает хрипящий репродуктор, объявляющий о прибытии или отправлении поезда. Постоянные переключки давали уверенность, что если я числюсь, следовательно, я существую.

Во время очередной переключки Куликов услышал фамилию Сашки. Прапорщик выкрикнул: «Хлебников!». Сашка ответил: «Я». Фамилия напомнила Куликову о голоде, все они с утра ничего не ели. В три часа дня взвод Куликова повели на обед в кафе, напротив военкомата. Проголодавшиеся призывники отобедали за троих и за свой счет. В следующий раз кормили ровно через двадцать четыре часа, питание стало одноразовым. После обеда опять на плац, густо усеянный людьми, окурками и плевками. К их взводу подошел лейтенант с «тракторами» на петлицах – «покупатель». Вызвал, по своему списку, несколько человек. «Куда? Повезут куда?», – посыпались вопросы со всех сторон. Оказалось в Кутаиси в Грузию. Хлебников и Куликов в эту команду не попали, а «покупателей» в тот день больше не было. Ближе к ночи Сашка предложил пойти ночевать к его оренбургским родственникам. Куликов еще не ставший солдатом, счел, что это как-то неудобно и отказался. Кроме того, он еще не перестал быть учителем и как-то не мог, еще не мог, позволить себе легкомысленно сигать через заборы. Однако постоять «на стреме», пока Сашка перелезил через забор, Куликов не отказался. Сашка пообещал утром вернуться и растворился в темноте за забором. «Ушел на волю», – почему-то вдруг подумал Куликов. Он опять остался один в большой массе призывников.

На третьем этаже военкомата располагалась с двухъярусными нарами, обитыми дерматином. Куликов нашел свободные нары, укрылся своей меховой курткой и моментально уснул. Без снов, провалился как в темную яму.

«Подъем! Выходи строиться на плац».

Куликов посмотрел на часы – восемь утра, дали поспать и на том спасибо.

Мороз со вчерашнего дня усилился. «Градусов 20—25», – подумал Куликов, глядя на клубы пара над головами. Дважды обошел плац в поисках своего взвода.

– Привет, – сказал вынырнувший из толпы Хлебников. – Я уже целый час за забором жду. Что тут было? Меня не искали?

– Да искали, один с топором и двое с носилками! – Пошутил Куликов. – Даже не надейся, Саша, мы тут нужны как в финской бане лыжи. Что тут было без тебя, как обычно, шмон, да и только. Как там в зазаборье?

– Всю ночь пили и я еще жив. Я кстати, и тебе принес. Будешь?

Хлебников достал из кармана стеклянную баночку. Они пробрались в самую середину толпы их 81-го взвода. Куликов открыл банку и присел, укрывшись за спинами. Они с Сашкой били рослыми ребятами под метр девяносто и их головы из толпы предательски торчали.

– Мне оставь немного, – предупредил Хлебников, озираясь по сторонам.

Куликов выпил и передал баночку Хлебникову.

Выбравшись из толпы, они закурили. Медленно выдыхая дым и пар, чувствуя согревающее на морозе действие водки, Куликов сказал: – «Теперь проясняется, что значит – фраза жить стало лучше, жить стало веселей. Не так много и надо».

Хлебников выбросил банку в обнаруженную рядом урну, место для курения, и сказал:

– Ты, брат, философ.

– Нет, я историк, – ответил Куликов.

Появившиеся вместе с перестройкой кооператоры, эти буревестники нарождавшегося капитализма, в кинозале военкомата непрерывно крутили видеофильмы. Отстегнули, кому надо денег и нашли свою золотую жилу первоначального накопления капитала. Куликов и Хлебников внесли свою лепту в становление капитализма в Стране Советов, заплатили 6 рублей за три сеанса вперед. Показывали американский боевик. Куликов несколько раз просыпался, на экране всякий раз стреляли или дрались. Так они и проспали до трех часов, когда их повели в кафе на обед, после которого Хлебников ушел к своим родственникам. Куликов до вечера бродил по плацу от одной группки призывников к другой. Слушал разговоры на тему – куда пошлют служить, анекдоты в основном давно забытые, но свежие для восемнадцатилетних ребят.

Наконец-то стало темнеть, потом густо пошел снег и потеплело. Грязный плац быстро преобразился в девственно чистый.

Повзводно призывников отправляли в казарму на третий этаж. 81-й взвод завели на третий этаж и построили в помещении. Переключку не проводили, устали читать сотни фамилий. Поэтому Куликову не пришлось выкрикнуть вместо Хлебникова – «я».

Лысоватый майор, в профиль напоминавший курицу, из-за подбородка, переходившего как-то почти сразу в шею, не по – военному сказал:

– Кое-кто из вас курит по ночам, а это, сами знаете, опасно. Может возникнуть пожар. Поэтому сигареты и спички оставьте в ящике, – он показал на большой деревянный ящик у стены, – утром заберете». Куликов бросил свой «Космос» и спички в ящик. Остальные проделали то же самое, и ящик стал наполовину полным.

– Стройся! – уже со сталью в голосе скомандовал майор, – в одну шеренгу. Теперь мы проверим, как вами выполняются распоряжения старших. Все, что есть в карманах, положите в шапку и держите перед собой.

Майор стал обходить строй, ощупывая карманы. Куликов чувствовал себя, словно в него плюнули и понимал что глупо, но ничего с собой поделать не мог. Майор закончил обыск стоявшего рядом рыжего мальчишки. Куликов с вызовом в голосе сказал: «Товарищ майор! Даю вам честное слово, сигарет и спичек у меня нет!». Майор оценил пафосного призывника невозмутимым взглядом, и взял военный билет Куликова. Открыл на странице «Общие сведения», где в пятом пункте «Образование» было записано – «Университет», в шестом «Преподаватель». Майор кивнул и отдал билет без обыска. На слово поверил. Пока то да се оказалось, что все нары уже заняты. Куликову достался небольшой участок пола, но около раскаленного радиатора отопления. Райский уголок. Куликов, как и вчера моментально уснул.

Большая честь!

Утром следующего дня Куликов почувствовал озноб. – «Вот они бессмысленные и беспощадные хождения по ледяному плацу. Простудился, что ли? Сейчас выпить чая и под одеяло...». Он обмотал вокруг шеи длинный вязаный шарф с таким расчетом, чтобы дышать через него. Появилась иллюзия уюта.

Из толпы вдруг вынырнул Хлебников, озабоченно сказал, – Вон смотри, в морской форме идет. Не дай бог, на флот загремим.

Офицер с черными усиками в черной форме шел вдоль серо-буро-малинового строя и загадочно улыбался.

– Вон улыбается, как придурок перед случкой, – не унимался Хлебников.

«Лучше два года считать ворон, чем три года чаек!». – Сказал кто-то громко. Офицер заулыбался еще загадочней.

Куликов, наконец, рассмотрел знаки отличия на погонах. Офицер оказался старшим лейтенантом с красными просветами на погонах. «Спокойно, господа, это сухопутный моряк» – сказал он негромко.

Старший лейтенант остановился, приподнялся на носки не по погоде надетых черных туфель и поздоровался: – Здравствуйте, товарищи!

В ответ раздалось нестройное «Здрасьте».

– Да-а-а, – протянул старший лейтенант, улыбаясь, своей как приклеенной улыбкой, кто в лес, кто по дрова. Ничего, в войсках вы научитесь и здороваться и еще многому другому. У нас правило: не умеешь – научим, не хочешь – заставим. А как же. – Улыбка не сходила с его уст. – Вам предстоит служить в военно-строительных войсках. Это большая честь!». – Послышались смешки.

– Да, большая честь... Речь офицера, сопровождавшаяся доброй улыбкой, вероятно призванной сглаживать дурацкий смысл неуместно пафосной речи. Двое в первой шеренге стояли в обнимку как старинные приятели на досуге. Офицер оборвал на полуслове свой пафос и строго рявкнул: Как стоите в строю! Руки по швам! – И опять перешел на елейный тон. – Я ведь могу и поощрить и наказать. Я строгий, но справедливый. – Улыбка вновь заиграла своей фальшивостью под его усиками. – Моя фамилия Саров Геннадий Петрович. Звание – старший лейтенант. На время следования в город-герой легендарный Севастополь, я буду заменять вам и отца, и мать. Так что от моего благосостояния зависит ваше благополучие. Ясно?

– Пасмурно, – сказал Хлебников тихо. – Этот будет вымогать, благополучие менять на благополучие.

– Отец – командир из самого Зурбагана, – отозвался Куликов.

Часа два простояли на студеном, осточертевшем плацу, от вчерашнего снега не осталось и следа. Подошли автобусы, и началась погрузка.

В трех кварталах от вокзала всех выгрузили, дальше продолжали путь пешком. Постепенно в ряды призывников затесались провожающие. Родственники Хлебникова передали сумку всякой еды и множество бутылок лимонада «Буратино». Все это богатство Куликов и Хлебников рассовали по своим рюкзакам. Согнутая годами старушонка, обнимавшая на ходу здорового внука, ласково ворковала бархатным голоском: – «Не ешь много сладкого, тебе вредно». Словно в армии внука намеревались потчевать конфетами и сладкими булками. «Вот уж святая простота», – подумал Куликов, вспоминая, что пока их кормили один раз в сутки.

В вагон Саров распорядился входить по одному, оставляя вещи в купе проводников. Он решил познакомиться с призывниками лично, «чтобы не копать в бумагах». Каждого участливо спрашивал, где работал, чем занимался в свободное время, собирал марки или старин-

ные монеты, не злоупотреблял ли спиртными напитками. Саров, что-то записывал и, если бы не фальшивая улыбка, мог сойти за вполне серьезного, делового и доброжелательного политработника. Саров был замполитом учебной роты, куда и вез бывший 81-й взвод из Оренбурга. Куликов не вдаваясь в детали, на все вопросы отвечал кратко.

– Ты не увлекался коллекционированием монет, марок или книг – спросил Саров.

– Нет, – понимая, куда клонит политработник, ответил Куликов.

– Жаль. – Вполне искренне заметил Саров, чем удивил Куликова уже привыкшего, что весь этот человек улыбка, речи, все – фальшивое со вторым дном ласкового вымогателя.

– Очень жаль, – еще раз сказал Саров, – Ну хорошо, грамотные люди нам нужны. А теперь для порядка проверим рюкзак, я конечно верю. Что там нет водки. Однако, дисциплина, прежде всего. – Улыбался Саров.

В рюкзаке, сверху лежали шесть бутылок «Буратино» из от хлебниковских родственников. Саров попросил две, сославшись на то, что они с прапорщиком, хмурым субъектом, который все время, молча, смотрел в окно купе, не успели купить воды в дорогу. Вернувшись к своим, Куликов выяснил, что офицер и прапорщик «не успели» запастись, еще многими другими вещами. Поборы проводились с каждого, у кого хоть что-либо было. Особенно хороший улов был в виде разнообразных консервов. Саров после проявленных хлопот о личном составе вверенных ему людей, получил несколько кличек, о которых конечно не догадывался. Хомяк-хлопотун, по аналогии с енотом-полоскуном. Закрепилось Хлопотун, хомяк отпал – Саров был довольно тощего телосложения. От Хлопотуна провели линию через туалет, в который Саров как-то часто заходил, и родилось – Продристун-Хлопотун. В целом Сарова не очень полюбили и вряд ли в бою прикрыли своим телом. «Тихо! Хлопотун идет! Прячь еду!», – стало дежурной шуткой.

Вечером спецэшелон, набитый призывниками, оставил Оренбург далеко позади. Саров разобравшись с консервами, запаса которых ему и прапорщику хватило бы на три месяца, собрал еще по пять рублей с призывников «на чай». Это он уже не лично сделал, а через назначенных им старших в каждом отсеке-купе.

Приехали! Севастополь

Трое суток военный эшелон медленно тащился за запад, останавливаясь на каждом полустанке. Изредка грузили и выгружали новобранцев. Так он по замысловатой дуге дошел до Нежина, где была большая учебка Советской армии. После Нежина в вагоне стало гораздо свободней. Остались только те, кому предстояло служить в Крыму.

Время не занятое сном убивали, как могли. Играли в карты, пока прапорщик не отобрал последнюю колоду. «Азартные игры развращают», – сказал прапорщик, выдохнув перегар. «Ну и что, что в дурака, от дурака, до очка – один шаг». Тогда Куликов на двух листах бумаги нарисовал шахматную доску. Стали играть в шашки пробками от лимонадных бутылок. По вечерам «шалуны» развлекались подкладыванием грязных носков к лицам спящих. Тех, кто послабей, конечно. Пели под разбитую гитару. Особым успехом пользовались песни: «Постой, паровоз, не стучите колеса...». И «По тундре, по железной дороге идет курьерский Воркута – Ленинград...». И бесконечные анекдоты, конечно. Собственно «тундры» за окном никакой не было, не смотря на песню. Снег по мере продвижения на запад становился все жиже, а когда из Нежина повернули на юг, он вообще исчез.

Трое суток пролетели под стук колес незаметно. В Симферополе пересадка в электричку и довольно скоро показалась севастопольская бухта. Полное отсутствие снега у оренбуржцев не вязалось с наступающим Новым годом. Всех охватило какое-то нервное веселье, из открытых окон полетели зимние шапки, пустые бутылки, мусор провожаемые матом и смехом. Истекли последние минуты гражданской жизни. Поезд остановился, тут же появился улыбающийся Саров-Хлопотун: «Приехали! Севастополь! Выгружаемся, товарищи!».

С вокзала колонну призывников повели в «экипаж», точнее Флотский экипаж, это комплекс зданий еще царской постройки. Как уцелели в годы войны не понятно. Прошли мимо памятника Участникам Севастопольского вооруженного восстания в ноябре 1905 года. В Севастополе вообще много разного рода памятников, принадлежащих различным эпохам, город прожил бурную историю.

За железными воротами экипажа призывников распределяли по воинским частям, но первым делом – баня. «Баня» оказалась просто обширным помещением с большим количеством душевых гусаков. Куликов с удовольствием помылся. Вода в душе была скорее холодная, чем теплая, а мыло хозяйственное. Вода в армии всюду холодная, для закалки бойцов? Полотенце осталось в рюкзаке, а рюкзаки приказали оставить на улице перед «баней». Куликов обтерся своей майкой и чувствовал себя замечательно.

Саров-Хлопотун отобрал пятнадцать человек и назначил старшего – Сергея Слонова. Куликов познакомился с ним еще в поезде. Слонов выглядел очень взрослым и серьезным. Его жена, беременная вторым ребенком, осталась в Оренбурге одна с трехлетним сыном на руках. Как пошутил Хлебников: «А надо рожать вовремя, тогда и в армию папаша не загремел бы». Через шесть месяцев Слонов стал отцом во второй раз и был демобилизован. Но до этого он еще должен был дожить.

Куликов, Хлебников. Четверо поволжских немцев и еще ребята из команды Слонова держались вместе. Слонов, отлучившийся вместе с Саровым, вернулся и сказал без предисловий: Сука-Хлопотун (так родилась новая кличка Сарова) хочет, чтобы мы сбросились по червонцу. Он обещает, отправить в хорошую часть. – Все молчали. – Как вы скажете, так и будет. – Сказал Слонов.

– Сто пятьдесят рублей, это кто-то месяц на работе корячится, пусть подавится, – сказал Хлебников, вынимая десятку.

Немцы, кратко посоветовавшись в сторонке, тоже отдали свою долю.

Куликов уже ничему не удивлявшийся выдал: – Старлей-Хлопотун оказался скотиной-Продристуном. Его улыбка мне сразу не понравилась. – Достал деньги и передал Слонову. – Жаловаться некому, и поди докажи, что-нибудь, когда тебя шмонает каждый встречный-поперечный. К тому же, как учитель, я вам скажу, что шкала ценностей сдвинута, книжная мораль в жизни претерпела сильные изменения не в лучшую сторону...

– Ну, ты блин задвинул. – Сказал Хлебников.

Слонов отнес деньги Хлопотуну и вернувшись, сказал, что Хлопотун детишкам на подарки к новому году деньги взял.

– Так и сказал? – Спросил Хлебников.

– Да, мол детишкам на подарки. – Ответил Слонов.

– Сто пятьдесят рэ? Детишкам? У него что там, детский сад? – Возмутился Хлебников.

Через час, все пятнадцать человек Слонова, получили назначение в один из севастопольских военно-строительных отрядов. Сука-Хлопотун почти не обманул – это был самый лучший, можно сказать образцовый стройбат Севастополя. Неофициально отряд назывался «Горпищенко» или «Горпуха», по названию улицы, где стояли его казармы. Буквально в нескольких минутах хода от знаменитого Малахова кургана («Малашки» – по местному).

От экипажа до Горпухи идти минут десять, шли быстро, но еще быстрее стемнело, сопровождавший прапорщик очень спешил, стремясь поскорее попасть к праздничному семейному столу. Был вечер 31 декабря.

Куликов услышал всхлипывания за спиной. «Плачет что ли?» Источников звука оказался нескладный мальчишка, спотыкавшийся на каждом шагу своим плоскостопием в хвосте колонны.

– Что случилось? – спросил Куликов по-учительски мягко.

– Ногу натер, ответило сквозь плач существо ломающимся мальчишески – девчачьим голосом.

– Терпи, солдат, – сказал Куликов. Не столько бедолаге, сколько себе самому.

Такого и в школе ни одна сила не уберезет от издевательств, а тут, что его ждет впереди? Одному богу известно.

– А зовут-то тебя как?

– Сережа... Чернов.

– Ничего, Сережа, потерпи, все будет хорошо. – Успокоил Куликов, не веря в свои слова.

Перед воротами Горпухи прапорщик построил команду по двое. Ворота заскрипели, и под жужжание электромотора отъехали в сторону. Колонна из темноты улицы вошла на хорошо освещенный пяточок асфальта перед штабом части. Ворота закрылись за спиной новобранцев с характерным скрежетом несмазанных роликов. Из распахнутого окна второго этажа казармы, на первом был штаб, раздался душераздирающий вопль: «Духи! Вешайтесь!».

Глава 2. Духи вешайтесь или Свет Учения

Табель о рангах срочной службы

Царь Петр Первый ввел свой Табель о рангах чтобы упорядочить службу и заставить всех дворян служить. Ранги солдат срочной службы, ни в каком табеле не записаны, но они есть.

Два приказа министра обороны волновали умы миллионов солдат и сержантов срочной службы. Из множества только два. Весной и осенью министр, скрепя пером, подписывал приказ «Об увольнении и очередном призыве граждан...». Нет музыки, более ласкающей слух солдата, чем скрипение министерского пера. Жаль, они никогда не слышали этой музыки, даже в записи. Приказ печатали в газетах, как выдающийся факт. Выход приказа является важной вехой службы каждого солдата. Количество таких приказов отсчитывает срок службы, сроком службы определяется место солдата в армейской иерархии. Это не закон, написанный на бумаге – это скорее армейский обычай. На нем основана армейская социальная лестница, где каждая ступень определяет разную степень свободы или угнетения стоящих на ней.

Несвязанная с приказом министра обороны первая ступень лестницы особого значения не имеет. До принятия Военной присяги солдат называется «череп». Короткая стрижка призывников действительно обнажает обтянутый кожей череп. В некоторых воинских частях этот ранг не употреблялся, сливаясь с титулом «дух». После присяги солдат становился полностью бесправным «духом». С «духовщиной» обычно связывают самые трудные месяцы службы в армии. Мечутся «духи» между двумя огнями: с одной стороны ужас перед страшными «дедами», с другой перед законом. Терпеть до последней капли крови побои и издевательства или бежать без оглядки, превратившись в дезертира. А куда бежать? Страна большая, а не только отступать, но и бежать некуда. Бежать – значит прокладывать себе дорогу в дисциплинарный батальон, растянуть службу на три-четыре года. У иного возникает горькое чувство безысходности в целом чуждом Советскому строю. В редкой голове, от таких мыслей не рождается глупая идея избавиться от всего этого одним движением. Есть варианты: лезут в петлю или вскрывают вены, да мало ли способов, уйти в нирвану. К счастью, немногие «духи» решаются осуществить навязчивую мысль и испортить армейскую статистику. Спасение для «духа» – раствориться в атмосфере подобно призраку, а затем материализоваться после очередного приказа, уже на следующей ступени в качестве верткого «карася». Только вот это раствориться противоречит материализму марксистско-ленинской философии. Все приходится испытать до дна.

Жизнь «карася» сложна, однако он, будучи «духом», научился вертеться и этим спасается. Следующий приказ через полгода. И-и-и, раз! Вчерашний «карась», чудесным образом, превращается в неторопливого «черпака». Черпак – норма, норма раздачи супа. Еще приказ и появляется на свет умудренный опытом и утомленный тяготами армейской службы «Дедушка Советской Армии». Звучит почти как «Маршал Советского Союза». Иной «дед» в казарме имеет власти больше, чем любой маршал. Кряхтя и покашливая «дедушка» поднимается на ступень выше, отныне он «Дембель». Дембель – демобилизация – Свобода. «Дембель духа не обидит, – гласит солдатская поговорка. Он не есть масло, наелся уже, отдавая его вечно голодным духам. Признак хорошего армейского тона. Хороший тон, впрочем, и в гражданском, и в военном мире не в чести. «Дембеля» не волнует происходящее вокруг. Он готовится к вступлению в гражданскую жизнь. Его удел – спать и ждать увольнения в запас.

Из всякого правила есть исключения, они тем и хороши. Можно числиться «духом», а существовать по категории «дембеля». В виде очень, очень редкого исключения из правил.

Вот вам «духи» Новый год

Войдя на территорию части, Куликов автоматически получил статус «духа». В вопле – «духи, вешайтесь» было мало обнадеживающего. «Духи» почувствовали перемену, в их группе воцарилось напряженное молчание. Собралась целая толпа солдат, посмотреть на новых сослуживцев, откуда-то со стороны донеслось: «Новых духов пригнали!». В целом – это было радостное событие, как ни странно. С приходом новых духов у всех ранее прибывших менялся статус. Духи становились карасями, караси – черпаками, черпаки – дедушками. Только «деды», не радовались, если их еще к декабрю не уволили, значит, жизнь не удалась, потому, что они уже по приказу министра обороны о призыве и увольнении автоматом становились «дембелями» и «пофиг им ветер» любых перемен.

Сопровождавший пополнение прапорщик нестрого прикрикнул на толпу:

– Разойдись! Что молодых не видели? – Потом, повернувшись к «духам», безразлично добавил. – Еще в казарме насмотритесь.

Духов, усадили в Ленинской комнате учебной роты. Портрет Ленина ласково улыбался со стены защитникам социалистического отечества. По стенам не занятым Лениным висели многочисленные военно-политические стенды.

Только уселись, как дверь распахнулась, вошел стройный младший сержант.

– Встать! К-когда старший п-по званию входит, – заорал он, слегка заикаясь от гнева. Каждое слово он произносил с явной угрозой в голосе. Такая скрытая угроза, не разбери-поймешь, чего бояться, проникает в каждую клетку организма, подавляя человека сильнее, чем кролика взгляд удава. К этой армейской манере говорить привыкнуть нужно.

– Садись! – немного успокоившись, младший сержант глубокомысленно сказал: – Да-а-а два года. Рехнуться можно. Вешайтесь, духи, вешайтесь. – Последнее «вешайтесь» он произнес с некоторым сочувствием. – Кто в кроссовках?

– Я, – ответил один «дух».

– Головка от... магнитофона! Покажи! Какой размер?

– Сорок второй. – Пролепетал «дух».

– Нормально. Давай снимай. У вас все равно все отберут. Понял да!?

– А мне босиком ходить? – Попытался возразить «дух».

– Ху... сиком! Я дам тебе ботинки. Быстро! Снял!! Я сказал!

Зацепив кроссовки, юный грабитель младший сержант ненадолго удалился. Вернувшись, принес старые солдатские ботинки без шнурков.

– А чё без шнурков? – Спросил бывший владелец кроссовок.

– Еще повесишься, – ответил младший сержант, неожиданно мирно. – Тебе сейчас новые сапоги дадут, зачем тебе шнурки маймун?

Последнее слово – маймун – всем вновь прибывшим было незнакомо. Между прочим, маймун – это значит радостный, счастливый, добившийся блаженства, ну и обезьяна на многих тюркских языках. Направляясь к дверям, младший сержант заметил бордово-красный шарф на шее Куликова.

– Подари шарф, он наклонился к сидящему Куликову, разглядывая понравившуюся вещь.

– Нет, – ответил Куликов.

– Что?! Ты об этом пожалеешь, – стальным тоном произнес младший сержант. На пороге он остановился, блеснул карими глазами и презрительно бросил, – «Душара!».

«Встать! Смирно!» – перепуганные «духи» вскочили с мест, в комнату вошли подполковник и за ним прапорщик, подавший команду.

– Ничего, ничего, они скоро научатся все правильно делать, – сказал подполковник, потирая руки. – Садитесь. Я командир части, где вам предстоит пройти службу, подполковник Линеви́ч. В дальнейшем мы познакомимся с каждым из вас персонально. По ходу дела, так сказать. Военные строители – это очень важная служба для нашей Родины...

Линеви́ч недолго рассказывал банальности о предстоящей службе, а потом спросил:

– Вопросы есть? Нет. Они еще не сориентировались, – улыбнулся подполковник, стоящему рядом прапорщику. – Хорошо. Судимые есть? Встаньте. – Двое из пятнадцати поднялись.

– За что судили?

– Машины угонял.

– Водители нам нужны. А ты за что?

– Кражи, – смущаясь, ответил паренек с детским лицом.

– Бывает, бывает, – потер руки подполковник. – Для вас служба начнется завтра. Сегодня переоденетесь, и милости просим к солдатскому новогоднему столу. Как говорится с корабля на бал.

Командир стройбата подполковник Линеви́ч, все время потирал руки, как будто мерз, или чесались они у него.

– Встать! – гаркнул прапорщик, «духи» вздрогнули и с грохотом стульев встали. Машинально обернувшийся на крик и грохот Линеви́ч, улыбнулся и, потирая руки, вышел.

Учебная рота была забита «духами», полторы сотни прибыли в течение месяца. «Духи» с которыми пришел Куликов были последними в этом году.

– Дневальный! Ко мне!! – рявкнул в коридоре прапорщик. Через несколько секунд появился солдатик с раскосыми глазками. Изображая стойку смиренно, приставив правую руку к шапке, дневальный с жутким азиатским акцентом доложил, примерно так:

– Дневальны Мамедов, – и запнулся... прапорщик подсказал:

– По вашему приказанию прибыл.

Мамедов. Глядя в пол, по-прежнему отдавая честь, молча, кивнул.

– Позови сержанта Морбинчука. Знаешь Морбинчука?

Мамедов кивнул.

– Иди.

– Ест! – радостно вскинул голову Мамедов и побежал выполнять приказ.

Прапорщик построил «духов» в коридоре – «по ранжиру, по росту и жиру» – пошутил он. Первым стоял Куликов, за ним Хлебников, потом немцы. Ну и все остальные замыкал строй испуганный Чернов с подергивающейся головой от нервного потрясения. Вот и «ранжир». Чернов был не самого маленького роста, однако прапорщик поставил его последним. Прапорщицкая гордость не позволяла портить строй горе-солдатом.

Сержант Морбинчук на фоне длинного и тощего прапорщика казался былинным витязем двухметрового роста. На обтягивающем его богатырскую грудь мундирчике сверкнул пединститутский ромб. Куликов заметил ромб:

– Коллега? – удивленно спросил он проходившего мимо здоровяка. Морбинчук вопросительно посмотрел на Куликова.

– Совсем недавно я еще в школе учителем работал, – тихо пояснил Куликов.

– Значит коллеги. – Морбинчук подал руку Куликову, не смущаясь присутствием прапорщика. – Валерий.

– Владимир, – ответил Куликов.

– Морбинчук, – позвал недовольным тоном прапорщик.

– Извини. Володя, еще поговорим, – сказал сержант, отправляясь к прапорщику.

– Отведи людей на склад. Переодень. – Приказал прапорщик.

Склады находились за территорией части. Как так получилось, исторически, неизвестно, однако, смысл в этом был. Все что подальше от военных строителей в большей безопасности находится.

Морбинчук вывел «духов» за ворота, остановил чуть в стороне в темноте, где не было освещения, и сказал: «Вам, конечно, трудновато придется, не отчаивайтесь. Выжить можно, вы не первые. Сержантов слушайте, вы в их власти, ругаться с ними – себе дороже. Никого не бойтесь, иначе зачмурят. Я вам говорю это потому, что мне никто ничего не сказал, когда я пришел. До всего самому пришлось доходить. Мне кажется, вам немного будет легче. Задавайте вопросы, пока есть возможность».

Вопросы посыпались со всех сторон. Краткие ответы приоткрывали завесу таинственной военной службы.

– А если вещи будут отбирать? – Спросил Тевс – один из немцев, главный у них.

– А ты не отдавай, если сможешь.

– А если бить будут? – уточнил кто-то из темноты.

– А все равно не давай. Единого рецепта уцелеть, ребята, нет. Каждый сам выбирает себе путь. Вы ведь как-то жили до того как сюда пришли, значит ложкой в ухо не тычете. Смотрите и сами решайте, что и как, главное не бояться. Ладно, пошли, – закончил Морбинчук.

Валерий Морбинчук до армии работал учителем физкультуры в сельской школе. Учителя сельской местности призыву не подлежали. Загнать их сельскую школу можно было только по обязательному распределению, тогда возникала некая вероятность, что учитель обживется за три года и останется. Однако судьба распорядилась по-своему. Валера отправился в выходные в ближайший райцентр повидать институтского друга. Идти с пустыми руками к другу, как-то не правильно. В стране вовсю свирепствовала борьба с алкоголизмом. В специализированный магазин, где только и можно было купить водки, стояла длинная, нервная очередь. Валера стал в хвост и терпеливо ждал, медленно продвигаясь к дверям. Уже совсем близко двери магазина, подошли несколько парней, и стали отталкивая людей, прорываться в магазин. Наступили на ногу какой-то бабушке, а та заверещала как недорезанная. Валера такого уже не стерпел и вежливо попросил ребят не хулиганить, а стать в очередь как все. На что ему ответил, заводела этой компании:

– Пошел ты на х...!

– Это не вежливо... – успел сказать Валера Морбинчук, уворачиваясь от прямого удара в лицо. Поскольку Морбинчук был спортсменом и мастером спорта не по шахматам, а по гандболу. Рука у него была тяжелой, а реакция мгновенной. Нападавший упал и не поднимался, челюсть сломалась... в трех местах. Компания, потеряв лидера, не решилась вступить с Валерой в битву. Потом уже выяснилось, что «пострадавший» в очереди за водкой мальчик несовершеннолетний сын местного прокурора. В общем «справедливость» потянула в суде на два года условно. Морбинчука уволили из школы, уголовник не может учительствовать, но взяли в котельную при школе. Директор школы сказала Валере: «Всякое бывает, отсидишься в котельной, я потом тебя обратно возьму». Морбинчука раньше обнаружил военкомат и призвал на срочную службу.

Куликов получил комплект нательного белья, белая рубаша без воротника и кальсоны, застегивающиеся на две пуговицы: одна впереди, другая сзади. Сапоги, портянки, шапку, хэбэ защитного цвета, ватник-телогрейку с гордым названием «бушлат» и «духовской» (тесмяный) ремень с зеленой пряжкой. Переодевались перед складом под мерцающими крымскими звездами. Кладовщица, вероятно из соображений этики отвернулась. Голые мальчишки, поживаясь от холода, надевали холодное обмундирование. В новогодний вечер и в Крыму не жарко.

Гражданскую одежду перенесли в склад, где в углу беспорядочно громоздились завалы обуви, шапок, штанов – всего того, в чем приезжают отдать конституционный долг Родине.

В солдатской столовой праздничные столы ломились от угощений. На мятых алюминиевых подносах горохом рассыпались зеленые яблоки. Вареная колбаса типа «Докторская», но рангом пониже, Куликов пошутил: «Фельдшерская» – наверно, на «Докторскую» только похожа». Хлебников уписывая за обе щеку все подряд, только мычал в ответ. Лимонад, горы хлеба, торты! – венчали этот царский ужин. «Ешь, ешь, – говорил Морбинчук Куликову, – скоро обо всем этом ты будешь только вспоминать. Слава Богу, у меня последний Новый год в армии, следующей осенью на дембель».

«Духи». Пришибленные новизной обстановки, жевали скромные бутерброды. Бойкие «караси» стремительно очистили духовские столы, подсмеиваясь над ними: «Они еще мамкина пирожки в туалет не отнесли».

Командир «Горпухи» подполковник Линевиц произнес поздравительную речь. Затем телевизор показал поздравление правительства. Куликов, так и не понял, кто поздравлял, далеко и неслышно, видимо Горбачев. Праздничные столы к тому времени подверглись полному опустошению. «Духов» отправили спать, всем остальным комбат Линевиц разрешил смотреть телевизор «пока передачи не закончатся». Офицеры отлично знают и поддерживают разницу между «духами» и «дедами».

Спокойной ночи

Учебная рота построилась на вечернюю поверку. Старшина роты прапорщик Ганшин, это он был в Ленинской комнате, подал команду «смирно!», приступил к чтению списка личного состава:

- Абаев.
- Я.
- Азизов.
- Я.

Куликов от нечего делать считал, на сто тридцатой фамилии сбился отвлеченный красотой южного ночного неба с мерцающими в чернильной темноте многочисленными звездами. Холод постепенно проник под одежду. Тут список закончился.

За спиной, Куликова, кто-то из второй шеренги прошептал:

– Нормально, с первого захода, бывает, по три раза читает. Если кто в строю шевельнется, все с начала. Агас! Менстрик идет.

К строю роты подошел старший лейтенант Ерошин по кличке «Менстрик», он исполнял обязанности командира учебной роты.

– Рота-а! Равняйся! Смир-рна-а! – скомандовал Ганшин. Повернулся. Сделал два шага, молодежато перекатываясь с пятки на носок. Срочную служил в почетном карауле, вот натренировался, а такое не пропьешь, мышцы помнят.

– Товарищ старший лейтенант, вечерняя проверка закончена. Незаконно отсутствующих нет! За исключением: рядовой Чемерис в санчасти.

– Вольно, – сказал Ерошин.

– Вольно! – повторил команду Ганшин для роты.

Ерошин прошел вдоль строя, цокая подковами хромовых сапог и вглядываясь в лица подчиненных, словно Наполеон перед битвой. Нет, не Наполеон. Ерошин на обратном пути вдоль строя нашел, что искал.

– Почему улыбаешься!? – неестественно резко спросил Ерошин, и добавил ласково. – Сынок сраный. Как фамилия?!

– Киселев, – сказал, как-то нехотя долговязый солдат. На его лице была отображена мысль: «Ну вот, блин, дое... лся!».

– Кисель! – сказал сто-то из строя, рота сдержанно хохотнула.

– Молчать! Заорал Ерошин. Вы что думаете, я буду перед вами стелиться? Ошибаетесь! Выйти из строя! – приказал он Киселеву.

Размахивая руками не в такт движениям ног, Киселев вышел на два шага вперед.

– Отставить! – Киселев на полушаге вздрогнул всем телом, беспомощной птицей взмахнул руками-крыльями. Улететь не смог, испуганно оглянулся, всем видом спрашивая будто, – «А что не так?».

– По команде «Отставить» следует вернуться в исходное положение. То есть в строй. Понял да? – угрожающе прошипел Ерошин в лицо Киселева. Киселев отпрянул от этого гневного лица, глядя на своего командира непонимающими, стеклянными от страха глазами.

– Стань в строй, – тихо подсказали Киселеву.

– Кто там такой умный!? – взвизгнул Ерошин – Выйти из строя!

Рота замерла в ожидании. Киселев попятился от внушающего ужас Менстрика и занял свое место.

– Что, не хватает мужества выйти? Нарушать дисциплину все могут, а когда отвечать за это приходится, смелости не хватает.

Призыв к совести остался без ответа, рота застыла по стойке «смирно».

– Киселев! Выйти из строя!

Киселев сделал неуверенный шаг вперед и вздрогнул от хлесткого окрика «Отставить!».

– Ты забыл сказать «Есть»! – учил Ерошин, – повторим. Повторение мать учения.

Понял да.

Холод пронизывал Куликова. Ощущение неюта усиливал стоящий рядом Хлебников. Сашка сильно продрог и выстукивал зубами какую-то мелодию, сквозь которую время от времени пробивалось: «Скотина».

– Не скотина, а Менстрик, точнее некуда, – прошептал Куликов. – Расслабься, будет теплее.

Обучение вконец ошалевшего Киселева продолжалось минут десять. Показалось, что это издевательство длится, целую вечность. Старания Ерошина-Менстрика разбивались о стену киселевского страха, уничтожившего и без того слабую способность соображать.

Киселев совершал какие-то немислимые движения, вздрагивал от каждой команды и ни на йоту не продвигался к правильному выполнению команд.

Куликова согрела и рассмешила шальная мысль: «Выйти из строя, и сказать – товарищ старший лейтенант у Киселева задержка психического развития, так вы от него ничего не добьетесь. Тут терпение и ласка должны быть, а не парализующий крик. Так вы никогда не избавитесь от клички Менстрик, товарищ старший лейтенант. И уж точно ничему Киселева не научите».

В конце концов, Ерошин объявил Киселеву три наряда на службу. Приказал Ганшину «произвести отбой» и удалился поцокивая подковками на подошвах хромовых сапог, видимо, вполне довольный собой. После этой публичной экзекуции Киселев стал стремительно падать в иной казарменный статус – чмошник.

Ганшин приказал заниматься отбоем дежурному младшему сержанту с красной повязкой, а сам тоже незаметно ушел. Новый год все-таки.

«Равняйся! Смирно!» – гаркнул младший сержант и скороговоркой: «строиться в спальном помещении, бего-о-о-ом, по команде бегом руки сгибаются в локтях, начинаем бег на месте! Маймуны долбаные! Бего-о-ом, – рота согнула руки в локтях, грохоча сапогами по мокрому асфальту. – Марш!».

Справа по одному «духи» бросились забегать в дверь казармы. В спальное помещение, расположенное на втором этаже, вела лестница, на которой с двух сторон масляной краской сверкали белоснежные полосы. Наступать на полосу запрещено под угрозой наряда вне очереди или более скорой неуставной расправы кулаками. Каждый вечер дневальные или чаще нарушители табу моют полосы с мылом, поддерживая их первозданную невинность. Не наступить на полосу при массовом забеге на построение чрезвычайно трудно. Задние напирают возникает давка и тут... только держись! Последние забегают в казарму с ускорением, которое им придают сапоги сержантов. Естественно, никто последним быть не хочет, отсюда толкотня в дверях и на лестнице.

Куликов заметил, как на бегу многие расстегивают пуговицы. Застегнутыми оставляют крючок под горлом, верхнюю и нижнюю пуговицы, штаны держатся лишь на одной верхней пуговице.

Рота построилась в коридоре спального помещения. По обе стороны коридора. Выстеленного потертым линолеумом, в четыре ряда стояли двухъярусные железные кровати. Узкие проходы между рядами едва позволяли протиснуться одному человеку.

Стремительно вошел младший сержант Ибрагим Дадаев, дежурный по роте. Настроение Ибрама, как его звали вне строя, было омрачено необходимостью «отбивать духов», когда другие смотрят новогоднюю программу телевидения. Впрочем, номер «взлет-посадка» не уступает в зрелищности любой кинокомедии. Со стороны если смотреть. Ибрам разжился почти новыми кроссовками, это последнее обстоятельство облегчало участь вновь прибывших.

– С-становись! Равняйся!! Смирно!!! – взревел Ибрам, Куликов удивился, откуда в таком с виду хрупком, юноше такая мощность звука. Власть усиливает мощность.

– Духи, прибывшие сегодня. Ложитесь спать. Остальные, маймуны, будут тренироваться, «взлет-посадка». Вам ведь нравится взлет-посадка?.. Не слышу!! Не слышу, маймуны!!! – заорал Ибрам.

– Так точ товар млад сержант! – глотая часть звуков рывкнула в ответ рота.

– Хорошо, – одобрил Ибрам.

«Равняйся! Смирно!! С заправкой обмундирования сорок пять секунд, – вкрадчивым голосом сказал Ибрам и резко взвизгнул, – отбой!!!».

«Вот почему они расстегнули все пуговицы», подумал Куликов, устроившись в кровати, ранее такую он видел только в казематах Петропавловской крепости на экскурсии. Он занял свободное место на втором ярусе, не подозревая, что это непрестижные места. При жесткой дедовщине «дед» не запянтает себя вторым ярусом, унижительно. Этот «обычай», впрочем, никаких видимых последствий не имел и возможно пришел с зоны. Кроме того практически все признавали некоторые преимущества второго этажа: там теплее, не мелькают сапоги проходящих мимо, вряд ли кто уляжется на постель, пока нет хозяина.

По команде «отбой» «духи» стали лихорадочно раздеваться и укладывать обмундирование на табуретки, крепко сбитые по четыре в ряд. Укладка производится в строгой последовательности, во-избежание неприятностей. Что-что, а неприятности «духу» заработать просто. Первым делом кладется на табуретку ремень, чтобы бляха свисала, затем штаны, потом аккуратно сложенное хэбэ и сверху шапка. Сапоги ставятся рядом с табуреткой, и на них развешиваются портянки. Портянки, пропитанные потом от дневной муштры, создают неповторимый колорит казармы. В рабочих ротах сапоги с портянками обычно ставят в специальной комнате-раздевалке, чтобы не воняли в спальном помещении. Все должно быть уложено одинаково – значит, по армейским меркам, красиво. В противном случае неминуем подъем, а времени на все сорок пять секунд!

Прохаживаясь по проходу, Ибрам поглядывал на часы. «Не успеваем. Пидарасы». Дождавшись пока последний «дух» занял свое место в кровати, он подал команду: «Подъем» – «Духи» в нательном белье посыпались с верхнего яруса на «духов» с нижнего, толкаясь понеслись по узким проходам. «Отставить! Отбой!» – «духи» кинулись обратно на кровати.

– По команде «Подъем» – учил Ибрам, – одежда откидывается на спинку кровати. Ясно?

– Так точно – ответила рота дружно, лежа в кроватях.

– Рота-а!.. Отбой! – пошутил Ибрам, кое-кто уже успел выпрыгнуть из постели. – Отбой была команда! Маймуны!

– Козел, в полголоса сказал парень, успевший спрыгнуть со своего места.

– Эй ты! Сюда иди! Живо!! – отреагировал Ибрам.

Не дожидаясь пока парень подойдет, Ибрам, одним прыжком оказался рядом и ударом ноги свалил его в постель. – Ладно. Если сейчас взлет-посадка все нормально, будете спать. Слышишь маймун толстый, шевелись, чтобы всем из-за тебя не прыгать, – зло сказал Ибрам толстощекому «духу», вцепившемся в одеяло в ожидании команды «подъем».

Ибрам скомандовал резко: – «Рота-а-а-а подъем!».

Заскрипели железные сетки кроватей, шлепанье босых ног, шуршание одежды, слились в единый шум. – Осталось десять секунд! Пять! – подгонял Ибрам. – Рота! Становись!.. Воцарилась тишина. – Равняйся! Смирно!.. Ну что, взлететь успели, теперь посмотрим, как пройдет посадка. Рота! Без заправки обмундирования, стоять, маймуны! Команды еще не было... твою мать! Без заправки тридцать секунд отбой!

«Духи» лихорадочно сбрасывали одежду, с каждой взлет-посадкой сил становилось меньше и меньше. Как и надежды лечь спать до того, как сержант устанет командовать. Скрипение кроватей замерло на полускрипе. Все успели.

«Минута на заправку обмундирования. Подъем!». Спустя минуту «духи» заняли свои места в истерзанных прыжками постелях.

– Равняйся! – все повернули головы направо.

– Смирно! Напра-во! – дружное скрипение свидетельствовало о точном выполнении приказа.

Ибрам посмотрел на часы: «В течение трех минут три скрипа – подъем».

Рота замерла в кроватях. Потянулись томительные минуты, когда даже дышать стараются через раз. «Раз скрип! Еще два и подъем». – Тут же чья-то кровать подло скрипнула. «Два скрип, вижу, вы спать не хотите». Почти не дыша, рота сумела пролежать три минуты, ограничившись «двумя скрипами».

– Духи! День прошел!

– Ну и х... с ним! – ответила рота.

– Спокойной ночи, – сказал Ибрам, выключая свет.

– Взаимно, – выдохнула рота.

Один за всех

В учебной роте отбой был прерогативой и главным развлечением сержантов. Изредка отбой производили прапорщики или командир роты Ерошин (Менстрик). Заместитель командира старший лейтенант Подорожный и замполит Саров (Хлопотун) никогда этим не занимались. Старшиной роты был старший прапорщик по кличке «Пиночет». Как его звали, и какой на самом деле была его фамилия, ни кто не знал. Пиночет и все, эта кличка появилась видимо еще в годы свирепствовавшего в Чили диктатора Пиночета, то есть много призывов тому назад. Кличка передавалась из поколения в поколение и в целом соответствовала. Пиночет, не зря всю свою сознательную жизнь провел в армии, он хотя и был строгим самодуром, но службу знал и зря не придирался. Прапорщик Ганшин старался быть строгим, но у него это не очень получалось. Он в отсутствие Пиночета исполнял обязанности старшины роты. Третий прапорщик учебной роты «Пончик», его фамилию знали, но не прижилась. Пухлый Пончик производил впечатление душевного человека, не заставлял бестолково повторять взлет-посадку и со временем не жульничал. Если положено отбиваться за сорок пять секунд – значит, это будут сорок пять полновесных секунд, а не сорок или тридцать как у сержантов. Проверить и тем более возражать «духи» все равно не могли. Из всей роты часы были только у Куликова.

Пончик доброжелательно, без крика рассказывал, как нужно правильно раздеваться, чтобы уложиться в норматив. Расстегивая пуговицы, нужно одновременно снимать сапоги – вот вам несколько лишних секунд. Три-четыре взлет-посадки – этим Пончик обычно ограничивался. Как-то выключая свет, Пончик среди общего: «Взаимно на его «спокойной ночи», услышал четко сказанное – «Пошел на...». Прапорщик обиделся. Поднял четверых «духов».

«Кто-то из вас сказал. Пока не признаетесь кто, спать не ляжете». Пончик ошибся, послал его кто-то другой. Примерно полчаса четверка подозреваемых простояла босиком на холодном линолеуме казармы. Пончик ходил перед ними и рассказывал все тем же добрым голосом о своей срочной службе. Из его рассказов становилось понятно, что со временем все мельчает, даже дедовщина. «Ну что это, почти вся часть одного призыва. Вот у нас, бывало, поднимут деды среди ночи и нужно каждому сказать, сколько ему осталось служить, сколько дней до приказа и не дай бог ошибешься. Били нещадно. А как тут не ошибиться, дедов много, попробуй, упомни, кого, когда призывали. Так у вас не служба – малина». Через полчаса своих рассказов Пончик сказал: «Я знаю, что это не вы меня послали. Вы отдуваетесь за скотину, которая сейчас лежит в теплой кровати. Надеюсь, вы научите его вести себя правильно и не подставлять товарищей по службе под неприятности. А теперь – еще постоит, проникните его виной перед вами – У нас тут один за всех и все за одного». Пончик, не угадал, натравливая «невиновных» на расправу с «виновным». Его, да и других любителей учить солдат службе, бессмысленно издеваясь над ними, «духи» послали бы на... не задумываясь, если бы могли. Ничего общего с Пончиком у них не было и его иезуитские потуги чужими руками отомстить за «добро», которое он собой представлял, закончились ничем.

Спасительную темноту разбавляла тусклая дежурная лампочка над выходом. Через несколько минут после отбоя Куликов расслышал шепот.

- Пошли в сортир. – Шептал кто-то внизу.
- После отбоя можно вставать только через час, – отвечал другой шепот.
- Сил нет никаких. Отлить нужно.
- Терпи, я же терплю...

Возможно от холода, впрочем, летом достаточно тепло, однако ночные походы в туалет почти поголовная солдатская беда.

Куликов погрузился в сон без снов. Поначалу редко кто из «духов» видит сны. Человек проваливается в темноту, отключаясь от неприветливого внешнего мира. Суровые будни не дают пищу для ночной работы мозга.

Свет учения

– Товарищ прапорщик, можно вопрос?

– Можно Машку за ляжку. В армии говорят, разрешите, – ответил Ганшин.

Сбривший усы, уже не казавшийся таким уверенным и взрослым Слонов, обескураженный ответом, сказал униженно просительным тоном:

– Товарищ прапорщик, разрешите спросить?

– Разрешаю.

– У меня дома жена с ребенком осталась. Вот. И нужна справка, что я в армии служу, чтобы ей пособие дали.

– Этот вопрос решай с командиром, справки в штабе, в строевой части выдают.

– Да. – Сказал Куликов Слонову, – все не так просто. А то военкомат не знает, куда нас отправил?

– Бюрократия, – отозвался Слонов.

– Представь себе, пожар случится, придет дух – типа Киселя, доложить. А его будут тренировать, учить, как по форме правильно докладывать. Сгорит все нафиг.

Слонов задумчиво, он вообще стал каким-то излишне тихим и задумчивым после прибытия в часть, сказал:

– Кисель не придет докладывать, все погорит, синим пламенем.

– Что ты такой задумчивый, – проявил участие Куликов.

– Дома жена беременная и ребенок, задумаешься.

Больше недели Куликов и Слонов добывали у Ерошина (Менстрика) справки. Ерошин тратил время, ссылаясь на занятость. Куликов поделился проблемой с Морбинчуком, может, посоветует, как решить? Сержант Морбинчук открыл истинную причину задержки, опираясь на свои наблюдения в армии. Морбинчук сказал, что Менстрик, отчаянный трус, боится получить «раздолбон» от комбата. В армии всегда есть, за что старшему по званию «раздолбать» младшего по званию. «Вот поэтому без особой нужды, Менстрик не хочет заходить в штаб», подвел итог своих рассуждений Морбинчук.

Отчаявшись, Куликов, просто «наехал» на Менстрика, в резкой форме потребовал справку, за которой приходится неделю ходить, завершил речь пафосно: «Если вам наплевать на мою семью, то мне семья небезразлична». Это видимо, как-то подействовало, прошло еще три дня, и прапорщик Ганшин вручил Куликову справку. Справка позволяла жене и сыну солдата получать тридцать рублей пособия.

Когда Куликов совершил свой «наезд» на Менстрика по поводу справки, он едва ли не декабристом себя чувствовал. Человек, попадая в армию, первые дни живет как в тумане. Обстановка бессмысленного издевательства, под видом обучения, подминает все человеческое. Слонов сбрил усы под угрозой наказания. «Не положены усы «духу», – сказали ему сержанты. Притом, что ни один устав усы носить не запрещает. Подавить человека, но зачем, в чем смысл? В эпоху Фридриха Великого железной дисциплиной стремились из солдат сделать «механизмы», для того чтобы они боялись палки фельдфебеля больше, чем вражеских пуль. А тут зачем? Смысл (если он и был) давно утерян, все превратилось в бессмысленные и беспощадные мероприятия известные под общим названием «тяготы армейской службы». Это нужно, если не понять, то просто пережить, оставаясь человеком.

Резкий разговор с Ерошиным стал для Куликова хорошей встряской, он освободился от пелены. Пресс действительности только укреплял в нем уверенность, что он сможет все преодолеть. Одновременно росла внутренняя обозленность. Куликов чувствовал ее и старался загнать поглубже, не давая выплеснуться.

«А если война? Пристрелил бы Менстрика в первом же бою? Рука бы не дрогнула, и совесть была бы чиста? – так думал Куликов, отвлекаясь от царящего вокруг него сумасшедшего дома. Думать-то не запрещено и это не видно со стороны, а сильно отвлекает от различных глупостей. – Нет, не успел бы, Менстрика пристрелили бы сразу из сотни стволов. А может быть, и не успели. Ничему военному нас не учат, а враги, вероятно, ерундой не занимаются, а учатся стрелять и вообще воевать. Они порвали бы наш батальон, как тузик грелку. Не могут десятилетия объяснить, почему в 1941 году немцы в хвост и гриву гнали нашу армию? А это просто! Вот потому, что так, как в нашей учебной роте все было, потому и гнали». Мысли о великом помогли Куликову отвлечься от действительности.

Две недели «духи» овладевали «наукой выживать». Занятия не отличались разнообразием. Подъем в шесть утра, бегом на зарядку. Следовало сначала, бегом в туалет, из-за этого упущения все укромные места вокруг плаца воняли мочой. Пользуясь неразберихой, солдаты отлучались в темноту по малой нужде. Зарядка под руководством одного из сержантов, абсолютно не имевших представления как ее проводить. Поэтому зарядка превращалась в очередную форму издевательства над «духами». Морбинчук не переставал удивляться: ему – сержанту, учителю физкультуры, мастеру спорта было бы логично поручить проведение зарядки, да и других спортивных мероприятий. Нет, поручают дело профану, не знающему ни одного элементарного комплекса упражнений. Отжимание, бег, бег на месте, «солдатская мельница» – как апофеоз физической культуры – все, на что способно воображение нормального сержанта. Куликов, слушая возмущения Морбинчука на физкультурную тему, сказал: «А что на гражданке, дело обычно поручают профессионалу, а не профану?».

После зарядки можно умыться холодной в любое время года водой. Военный строитель после работы на стройке не может по-человечески смыть с себя грязь, горячей воды нет, холодная не отмывает. Конечно, солдат должен быть закаленным, солдат, а не инвалид военно-строительного отряда, у которого кроме простуды своих болезней хватает. Болеть в армии не принято и лечить тоже, особенно мелочи типа простуды и головной боли, в лучшем случае, такой юмор, помажут живот зеленкой. Если зеленка не помогает, и солдат не вылечивается сам собой, тогда, если уж совсем плох, отправляют в госпиталь. Севастопольский госпиталь – солдатско-матросский рай. Кормят хорошо, работать не надо, спи, сколько хочешь. А ведь по солдатской присказке «только сон приблизит нас к увольнению в запас».

После умывания утренний осмотр. Сержанты или прапорщик Ганшин осматривают подворотнички и проверяют «отсутствие наличия недозволенных предметов в карманах». Основной утреннего осмотра являются все же подворотнички. Глядя на грязный подворотничок, Ганшин обычно говорит: «Что, коростой зарости решил? Не дам. Два наряда». Интересно, что в бардаке лишний наряд не наказание. Наряд на службу – это уборки помещения, чем обычно дневальные занимаются. Если нет учета, а его практически не было наряды оставались просто угрозой. Если конечно прапорщик, лично не проследит, чтобы наказание исполнилось. Обычно до отслеживания руки уже не доходили. Проверялись и карманы. С карманами обычно было все в порядке, пустые. Деньги давно кончились, последние отобрали у большинства «духов» уже в части те, кому они, вероятно, были нужнее.

После осмотра следовала уборка территории, наведение блеска в казарме. «Не знаю что за дерево растет возле вашей казармы, – говорит „духам“ „дедушка“, – но дрянь классическая. С него круглый год что-то сыплется. Весной – цветы, летом – плоды, осенью – листья, зимой ветки, и все это вам убирать. То ли дело у первой роты кипарисы, зимой и летом одним цветом».

«Да, поганое дерево», – соглашаются «духи» и продолжают шуршать вениками.

Взвод, в который попал Куликов, чаще всего занимался уборкой казармы. Помести, натереть мастикой полы, набить «кантики» постелей. Заправка постели – целая наука: простыня должна быть натянута на матрасе как струна на гитаре, вторая складывается пополам и заправ-

ляется в ногах, на это сооружение натягивается одеяло, затем кладется подушка. Все подушки ряда, несмотря на разный калибр, должны представлять собой одну линию. После всего этого, при помощи двух дощечек набивается кантик по обе стороны постели. Все сложности как будто придуманы для приучения к порядку, на самом деле используют для наказания и как повод для наказания. «Кантик должен быть острее стрелок на брюках английского лорда», – выдает свое подозрительное знакомство с британской аристократией старший прапорщик Пиночет. – «Кто не понимает, будет драить сортир».

Пиночет уже несколько месяцев собирается уйти в отставку. Сколько добра он вывез из роты, сержанты «по секрету» рассказывали, полный грузовик загрузили всякой всячины, а ему все мало, как собирается домой, обязательно сверточек с собой прихватит. Видно, чтобы на всю оставшуюся жизнь хватило. Что-то у Пиночета не клеилось с отставкой, бумаги его где-то застряли в кабинетах армейской бюрократии. Сложилось своеобразное двоевластие: старый старшина роты Пиночет и его приемник прапорщик Ганшин уживались под одной крышей лучше, чем Советы и Временное правительство в 1917 году. Пиночет подчищал то, что осталось (оставалось еще очень и очень много, страна бедная, но на армию не жалеет), Ганшин ждал своего часа, когда станет полноправным хозяином закров роты, а пока перенимал опыт старших товарищей.

Вот наведен порядок в казарме и на территории роты. Дневальные накрыли столы. Пора на завтрак.

Рота повзводно строевым шагом, с песней отправляется в столовую. Песенный репертуар учебной роты свято передается из поколения в поколение. Любимая песня о «старой солдатской серой шинели», способна исторгнуть слезы из камня, если камень сумеет разобрать слова импровизированного вавилонского хора. Солдаты могли бы, сильно удивиться, если бы им кто-либо сказал, что песня «Шинель» из кинофильма 1968 года «Разведчики». Вторую и последнюю песню с припевом, который с удовольствием орут в сотню глоток, – «Кап, кап, кап. Из ясных глаз Маруси капаят слезы на копье», пели значительно реже.

Перед столовой рота выстраивается взводными колоннами, некоторое время марширует на месте. По команде «бегом» вечно голодные «духи» вбегают в помещение столовой один за другим.

Каждый стол рассчитан на десять человек. Начинается борьба за место. Сидящий первым от прохода между двумя рядами столов обязан относить грязную посуду. На это место обычно попадают слабые, слабые не столько физически сколько морально. С первых дней Сережа Чернов, травимый и сержантами, и своими же «духами», занял одно из таких мест. Он уже не спешил на более престижное место, спокойно заходил и занимал край лавки у прохода. За Черновым уже закрепились характеристика «чмо». Следующий кандидат в «чмошники» – Киселев (Кисель).

Специальный термин «зачмурить» на армейском жаргоне обозначает превратить человека в «чмо». Угрозами, побоями человека со слабым стержнем души ломают, заставляя выполнять грязную работу. Помыть, прибрать бутылки после пьянки, сбегать за водой среди ночи – мало ли потребностей у «блатных» и «приблатненных» обитателей казармы, удовлетворять их потребности обязанность «чмошников».

Куликов благодаря знакомству с Морбинчуком и комсоргом отряда, на гражданке актером выпускником театрального института Кулыгиным, быстро усвоил «кто есть кто». Ленинградец Кулыгин повздорил с режиссером театра. Собственно «вздор» заключался в том, что Кулыгин активно «бил клинья» под дочь режиссера и та отвечала взаимностью. Воспользовавшись моментом, режиссер нанес ответный удар, сплавил Кулыгина в армию, хотя мог, где надо словечко замолвить. Кулыгин – обладатель букета различных болезней, не случайно попал в стройбат, а не в ВДВ, самый безобидный цветок – варикозное расширение вен. За несколько месяцев службы Кулыгин вырос из актеров театра до комсомольского руководителя строй-

бата! Должность с кабинетом в штабе называлась «комсомолец». «Сам понимаешь, Вовик, на стройке мне хана, вот и кручусь с этими штабными крысами», – объяснял безупречность своей службы Кулыгин и с надеждой добавлял, – ничего, нам бы до осени продержаться, чтобы забыть все к черту».

Рота заняла свои места у столов, ждут команду садиться.

«Садись», – командует сержант, рота садится на скамейки.

«Встать», – значит, сели не одновременно. Сесть, встать, сесть, встать. Из всего, при желании, можно сделать «воспитательный» процесс.

«Садись» – рота, как один человек, х-р-р-пах, наконец-то ублажила требовательного сержанта.

«Бачковые, встать», – за каждым столом один бачковый, его задача наполнить десять тарелок (эмалированных мисок) из бачка – большой кастрюли. После этого можно есть, если конечно, все бачковые встанут как один человек, если нет – будут тренироваться синхронности вставания. Шапки, снятые при входе в столовую (как при входе в храм) зажимаются между коленями, положить их негде, да и незачем, украдут, или обменяют на засаленную.

Куликов поражался скорости, с которой «духи» расхватывают хлеб, шайбочки масла, сахар или вечернее блюдо – жареную скумбрию. Все это мгновенно исчезает из общих мисок. Не хватило хлеба, масла или вместо рыбыны достались ее ошметки – сам виноват, нужно быть проворней. Протесты обделенных отклика не находят. Куликов при поддержке Сашки Хлебникова и Слонова за своим столом навели порядок. Каждый брал только свою пайку. Куликов предложил по-честному все делить, Хлебников с угрозой в голосе спросил – «Кто-то против? Бля!». Слонов, сказал, что он присоединяется – «Каждому поровну». Трое рослых парней – этого хватило, чтобы навести порядок за отдельным столом. Однако, не всегда удавалось попасть «своей» командой за один стол. Как-то Куликов, Хлебников и парень из Краматорска по кличке «Хром» попали за один стол с семеркой выходцев из Средней Азии, с «урюками», если по-армейски, «урюки» – собирательное название среднеазиатских народов. Хлеб и масло расхватали стремительно, Куликов просто физически не успел уговорить «духов» быть людьми. На троих досталось два куска хлеба – улов Хлебникова и раздавленная в борьбе шайбочка масла, выхваченная из чьих-то рук Хромом. Напротив Куликова сидел довольный Базарбаев, неформальный лидер «духов» – азиатов. Хром и Базарбаев, как-то, нешуточно разобрались в казарме, после чего Хром, смелый и неслабый парень, сказал разбитыми губами: «от каратюга долбанный».

Нескрываемая радость Базарбаева, выплеснула всю злость, накопившуюся у Куликова, на душе отразившись в гримасе на лице и в двух словах сказанных сквозь зубы зловеще: «Отдай хлеб». Базарбаев, решил не скандалить, что-то сказал своим и недостающие четыре куска черного хлеба и две шайбы масла легли на стол перед Куликовым. Радости от своей победы он не испытал. Есть масло с отпечатками пальцев и хлеб, извлеченный из карманов, он не мог, отдал Хлебникову и Хрому. Мысль о том, как быстро человек теряет человеческое лицо, не давала Куликову покоя. А у кого-то этого лица и вовсе не было.

Завтрак закончился, ложками (вилки и ножи нет), корочками хлеба, со стола убирают крошки, вытирают жирные пятна. Грязную посуду уносят к окошечку с надписью «мойка». Команда «Встать! Выходи строиться!». Рота отправляется на строевые занятия. Стучать сапогами по плацу, с короткими перекурами, до обеда. Зимой маршировать легче, движение согревает, летом под солнцем – настоящая каторга.

На плацу дает о себе знать наука мотания портянок. Почему-то считается, что все это умеют делать. Куликов, как раз умел, волею случая, отец когда-то показал, как это правильно делать. Не овладевшие наукой мотания портянок быстро стирают ноги до крови. Носить под портянкой носки строгойше запрещено, особенно «духам». Собственно все остальные

(не «духи») носят носки. После бесконечного марша по плацу появились «духи» хромящие сразу на обе ноги!

Каждый час хождения по кругу и бестолковых эволюций в движении, перекур на несколько минут.

– Товарищ прапорщик, а шо американцы тоже портянки мотають? – невинно поинтересовался Хром.

Нет, американцы сапог не носят, и портянок у них нет. Я срочную в ГДР служил, видел. У них ботинки высокие со шнуровкой, никаких портянок, – ответил Ганшин.

– Тю, а шо в нас ботинок нет, шо ли? – Хром картинно развел руки, пожимая могучими плечами.

– У нас все есть. А сапоги удобные, всепогодные.

– Портянка хуже носка, – не сдавался Хром, – чуть не так намотав, ногам пи... ц!

– Портянка, как раз лучше носка, но ее нужно правильно мотать. А носок после пяти – десяти километров марша может так ногу натереть, мама не горюй! – Заступился за портянку Ганшин и добавил. – Хватит болтать! Строиться.

Куликов, как раз перематывал портянку.

– Эй, Куликов, сколько университетов нужно закончить, чтобы делать все вовремя? – спросил прапорщик не без презрения в голосе.

Натягивая сапог, Куликов громко сказал:

– Достаточно закончить одну школу прапорщиков.

«Духи» сдержанно хохотнули.

После обеда обычно теоретические занятия часть «духов» загоняют в Ленинскую комнату, другую в техкласс изучать Уставы – Анналы армейской жизни, изложенные на пятистах страницах. Внимание командиров из этой наки привлекли только две страницы: форзац с военной присягой и страница с пунктом «Дневальный по роте». Их-то и заставляли зубрить. Видимо идеальный солдат, должен был всю службе дневалить и помнить, что он присягал и является гражданином Союза Советских Социалистических Республик. Куликов впервые в жизни читая полностью – это длинное СССР подумал: «Как же это длинно и муторно!».

Куликов, лишенный возможности утолять жажду чтения, читал все подряд: бодрые лозунги крепить обороноспособность страны, изредка попадавшиеся газеты и конечно Устав. К концу пребывания в учебной роте он минимум дважды прочитал всю эту книгу, и по несколько раз особенно интересные статьи. Пришел к неувидительному выводу, что действительно Уставы писали люди неглупые, хотя и в военной форме. Предписания Устава и солдатская жизнь расходились подобно теории и практике развитого социализма. На четырнадцатой странице Куликов прочел: «...военнослужащие должны обращаться друг к другу на «Вы». В действительности на «Вы» обращаются младшие по званию к старшим по званию. Солдаты к офицерам, младшие офицеры к старшим офицерам. Вместе с очередным званием офицер получает право «тыкать» большему числу людей, получая в ответ большее количество уважительного «Вы». Но это пока он при должности, так и на гражданке уважение от должности, пережитки феодальный отношений? Устав требовал; «Стекла в окнах нижних этажей, выходящих на городские улицы, на необходимую высоту должны быть матовые или покрашены белой краской». «Видимо, от шпионов средство придумал какой-то мудрец, а может быть просто, чтобы с улицы не были видны неуставные взаимоотношения, а проще сказать бардак», – подумал Куликов.

Сержанты обычно не присутствовали на занятиях по изучению Устава, находили более интересные дела. Предоставленные сами себе «духи» писали письма домой, предавались воспоминаниям о былом или попросту спали, подкладывая под голову все тот же Устав.

– Встать! Смирно! – «духи» поспешно вскочили, в техкласс вошел младший сержант Джуху. Он обвел всех завораживающим пронзительным взглядом претендующий на взгляд

удава и произнес речь о смысле которой из-за сильнейшего акцента приходилось лишь догадываться.

«Вы гхта урлы арлала! Маймуны!» – услышал что-то такое Куликов. Судя по тону и последнему слову, Джуху был недоволен. Он вывел за рукав на свободное место подвернувшегося под руку Крутинова, тихого парня с удивительно спокойным голосом.

– Ног мэст пстав, – фраза означала «Ноги вместе поставь».

Крутинов, пришибленный неожиданным появлением Джуху и тем, что сержант выдернул именно его, никак не мог понять, что тот говорит. Неожиданно Крутинов рухнул на пол, сбитый с ног подсечкой.

– Втаг! Ног мэст! Ног мэст! Понял да?!

Подсечка – и Крутинов, потирая ушибленное место опять встает с пола.

– Чтаг устав, – вполне разборчиво сказал Джуху на прощание.

– Что это было? – Задал риторический вопрос Крутинов, потирая ушибленное бедро, когда Джуху вышел за дверь.

– Это, мой друг, человек с горы учил тебя ног вмэст ставить, – отозвался Хлебников.

Ребята засмеялись, но не громко.

Куликов позднее много раз видел подсечку в исполнении Джуху. Этот парень занимался до армии борьбой. Через несколько дней Куликов и Джуху, как-то случайно разговорились. Точнее Джуху заговорил с Куликовым. Секретом, что Куликов работал учителем, не было, и это как-то влияло на отношение к Куликову. Джуху расспрашивал Куликова – где учился, где работал, есть ли дети... Куликов вяло отвечал, однако ноги поставил не вместе. Джуху обратил на это внимание. И удивил Куликова не только, тем, что вопросы он задавал на очень хорошем русском языке с едва заметным кавказским акцентом, но и тем, что вдруг сказал, что сам учился в институте и был призван в армию после второго курса. «Расслабься, что ты. Не буду я никаких подсечек делать», – успокоил Куликова Джуху. Будущий агроном Джуху в армии создал себе защитный имидж, усилил до невообразимого акцент. Непонятная речь в сочетании с агрессивностью вызывали инстинктивный страх. Джуху действовал в соответствии с диким законом армии – «или бьешь ты, или бьют тебя».

Изучение устава длится до ужина. Личное время поглощается подшиванием подворотничков к утреннему осмотру. Особенно трудно чмошникам, нужно подшить и себе, и другим.

Вечерняя прогулка, строем с песней в туалет и обратно.

В двадцать один час просмотр программы «Время», часто прерываемый командой: «Встать! Смирно!» или душераздирающим криком: «Заткнитесь! Ублюдки! Стоя смотреть будете!».

Затем команда: «выходи строиться на вечернюю поверку».

Если все хорошо, через час рота строится в спальном помещении, готовая к взлет-посадке. Отбой продолжается до двадцати трех часов, редко дольше и еще реже не дотягивает до этого времени.

Все, отбой. Часы под подушкой Куликова бешено отстукивают в ухо секунды службы. Солдат спит служба идет, подъем в шесть утра и все начнется сначала. Вот и весь свет учения.

Присяга Родине

Более двух недель провел Куликов в учебной роте. На 15 января назначено принятие присяги. Накануне обычный распорядок занятий был нарушен. Целый день шла тренировка: подход, отход, доклад, читка текста присяги. По этому случаю выдали пять учебных автоматов «Калашникова». Автоматы вызвали неподдельный интерес «духов». Оружие, даже учебное, его тяжесть, холодная сталь вселяет уверенность. Кто-то, демонстрируя свои умения, полученные в школе на уроках начальной военной подготовки, ловко разобрал автомат, воспользовавшись столом, вынесенным на плац для тренировки принятия присяги. Младший сержант Андрей Олегов, безобидный, осторожный до глупости парень, плаксивым голосом стал отчитывать «духа» – нарушителя. Старший лейтенант Подорожный сказал: «Пусть разбирают, оружие они видят в первый и, скорее всего, последний раз». Олегов моментально согласился и замолчал. В нем не было злости, он отчитал «духа» лишь из стремления показать свое рвение перед офицером. Причем получалось очень плохо, неправдоподобно. Единственным офицером, которого Куликов считал более-менее нормальным человеком, был Подорожный. Таким, по крайней мере, Подорожный показался Куликову со стороны. Ровесник Куликова, он редко матерился, так же редко говорил с солдатами, никогда не повышал голос. Больше молчал, оставаясь на втором плане событий.

В день присяги приготовили праздничный завтрак. Как в воскресенье, «духи» получили по два круто сваренных яйца. Кому-то, как водится, угощения не досталось, часть яиц изъяли «деды» еще при раздаче. Возмущенный «дух», позабыв страх перед сержантами (за две недели «духи» в основном уже поняли, что не так страшен черт), воскликнул на всю столовую: «Бл... Где мои яйца!». Случайно проходивший мимо замполит Саров (Хлопотун), к всеобщему удивлению ответил: «У вас в штанах, молодой человек». Саров восстановил справедливость, отправил Ибрама на раздачу. Ни один дежурный по столовой сержант не мог отказать Ибраму, представителю славного чеченского народа.

Ибрам Дадаев, несмотря на внешнюю хрупкость восемнадцатилетнего паренька, имел вес в отряде. Однажды в столовой. «Дух» из учебной роты случайно, чем-то «обидел» «дедушку» из третьей роты. «Дух» пытался спастись бегством и скрылся за углом. Ибрам, случившийся рядом, остановил разгневанного «деда» и, сплевывая ему под ноги тягучую слюну, сказал: «Не трогай, если не хочешь неприятностей. Пока я за них отвечаю. Хочешь – потом, когда духов в роты переведут, разбирайся».

Ибрам принес четыре яйца. Саров торжественно вручил пострадавшему два из них, улыбаясь своей вечной лживой улыбкой, сказал: «Вот, молодой человек, нашлись ваши яйца». Оставшиеся два яйца Саров, с хорошей порцией гречневой каши, с аппетитом скушал сам.

Около десяти часов роту построили возле небольшого памятника, на мраморе барельефа и надпись «Ленин».

Предстоящая присяга пустила коллективную мысль роты по неожиданному руслу. Прошел шумок, что после присяги уже вполне законно могут отправлять на «дизель» (дисциплинарный батальон, дисбат, он же дизель). Новость с увлечением обсуждалась.

В части появилась группка родителей «духов». Приехали на присягу детей. Это были в основном женщины, среди них, было и несколько увешанных орденами ветеранов. Женщины вытирали полные слез глаза, с умилением посматривая на взрослых сыновей в шинелях и надраенных до зеркального блеска сапогах. Ветеран, старенький сухой дедушка, позвякивая орденами сказал патриотическую речь, смысл которой в нескольких словах можно свести к следующему: Вот вы, должны, а мы отдали, а вы крепите, потому что Родина... Никто не вдохновился, тем более все это уже много раз разными людьми и словами было сказано «духам» еще в детском саду, школе, по телевизору и по радио. Кроме того многие ребята не слишком

хорошо владели русским языком. Куликов не воодушевлялся, ясно видя глубокую пропасть между словами ветерана «о долге перед Родиной» и отношением родины к должникам. Началась утомительная процедура принятия присяги. По очереди солдаты, прижав к груди учебный автомат, передаваемый из рук в руки (на всех не хватило), строевым шагом шли к столу, покрытому кумачом. Брали текст присяги и читали его кто как мог. Только тут выяснилось, что читать умеют не все. Целования боевого знамени, как показывают в кино, не было. Отсутствовало само знамя, военно-строительным отрядам такую святыню иметь не положено.

Подошла очередь Куликова. Скажи ему еще месяц назад, что присяга не вызовет никаких эмоций в душе, он искренне бы обиделся. Все его предки воевали за Родину, и он считал себя патриотом. Патриотом не идиотизма, которого полным полно, но не без пафоса и защита Родины для него – не пустой звук. Текст присяги не вызвал отклика в его душе, это в легендарном Севастополе, где кажется нет камня который бы не взывал к патриотизму. Только «духи» не видели Севастополя и его священных камней, они видели учебную роту Горпухи, овладели искусством «взлет-посадки» и... из «военного» все на этом закончилось.

После мероприятия «духи» отправились в «культпоход» на Малахов курган, расположенный, что называется в двух шагах от Горпухи. Куликов впервые за последние две недели (и каких недель) вышел за ворота части. Какие-то люди спешили по своим делам, относительно свободные люди в гражданской одежде. Куликов даже сказал Хлебникову: «Смотри Саша, люди идут. Без охраны. Мир-то не рухнул оттого, что мы попали...». Куликов стал подбирать слово, куда попали... Хлебников, ответил: «Да, хрен бы на них, нам отслужить и вернуться домой».

Подшли к подножию Малахова кургана, Малашки. Крымская зима сделала его неприглядно серым. Лысые скелеты деревьев, посаженные знаменитостями, посетившими Севастополь, как-то тоже не вдохновили Куликова. Ему самому это показалось странным. Легендарное место, политое кровью нескольких поколений защитников родины, а не вдохновляет. Что уж говорить о других солдатах, которые даже не слышали о кургане, для них это вообще пустой звук. Как и то, что есть предместье Парижа, которое называется Малакофф, как и их стройбат Малашка-Горпуха. Куликов подумал, что ему не кажется теперь странным, что на Малашке в 1917 году матросы двух эсминцев расстреляли всех своих офицеров, как повел бы себя их стройбат, случись 1917 год? И тут же, где то на Малашке покоятся останки белогвардейского генерала Дроздовского. Его, похороненного в Екатеринодаре (Краснодаре) вывезли отчаянные дроздовцы из города уже занятого красными и перезахоронили на Малаховом кургане. Что удивительно и те и другие были русскими людьми.

На вершине, на стене оборонительной башни, среди множества перечисленных частей защищавших Малашку от англо-французов в Крымскую войну Куликов прочитал:

– Саперный батальон. Арестантские роты. Вот Саня, считай это пращурь нашего стройбата, и мы должны быть достойны их славы, наших дедов и прадедов. – Вокруг Куликова стали собираться солдаты, послушать «дядю Вову» (такую кличку они дали Куликову). Заметив, что подбирается аудитория, Куликов с еще большим пафосом продолжал. – В этот, без преувеличения, знаменательный день принятия присяги, мы стоим на месте, политой кровью и потом. И мы должны гордиться и гордиться...

Тут подошел прапорщик Ганшин и сказал:

– Куликов, тебе в замполиты нужно идти.

На, что Куликов заметил:

– Пока не достоин такой чести, это большая ответственность, о людях

бескорыстно хлопотать. – Солдаты засмеялись, это «хлопотать», им сразу напомнило замполита Хлопотуна. Ганшин, видимо тоже понял, на что намекает Куликов и улыбнулся.

«Будем сажать» и другие новости

На следующий день Хлебников и еще несколько «духов», отобранных учиться на краповщиков, уехали в Одессу, где была соответствующая учебка. Хлебников на прощание обещал написать письмо. Куликов впал в меланхолию от этой новости. Он как-то привязался к Сашке, с которым сдружился, вместе призывались и вот словно одна из ниточек, связывающих с домом, оборвалась.

Карантин закончился, теперь «духов» должны были распределить по рабочим ротам. Вопрос, куда пошлют? Многие успели найти в ротах своих земляков, что для «духа» очень важно, все какая-то поддержка.

Если земляк из «блатных» или «приблатненных», то за таким «дух» как за каменной стеной. Куликову было все равно, куда пошлют. Он решил, что на месте будет видно, как устроится. Фатализм – был частью его характера.

Целыми днями «духи» приводили в порядок обмундирование. Обмундирования на каждого солдата приходится много, это и зимняя и летняя одежда, шинель, китель, бушлат-телогрейка, разные штаны-брюки, сапоги и ботинки, шапка и пилотка, даже платки предусмотрены, только их редко кто требует, но они есть в огромных количествах.

К парадному кителю, шинели пришивались погоны. Каждую вещь подписывали, рисуя хлоркой на подкладке прямоугольник. Фамилия, дата выдачи и еще должна была быть какая-то запись, но сержант забыл, что именно.

Ибрам долго и терпеливо объяснял, как и где подписывать. Солдат с редкой фамилией Филимон написал ее на погонах бушлата. Ибрам при виде испорченных погон вскипел. Самым ласковым выражением в его речи было: «Маймуны х...ы». Затем он как-то резко успокоился и, глядя на Филимона, почти ласково сказал: «Что ж ты глупый такой».

Погоны к шинели и парадке выдали морские черные с буквой «Ф». Может Филимон подумал, что это от его фамилии, а на бушлате просто пришиты погоны защитного цвета без буквы – упущение? «Ф» – казарменные юмористы расшифровывали как «Филин» – «Днем, значит, спит, а ночью ой что творится!». Кто-то сказал, что Филимон, в чем-то прав, когда написал свою фамилию на погонах. Так хотя бы понятно с кем имеешь дело. В общем-то «Ф» – значит просто флот. Отряд входил в состав Черноморского флота.

К петлицам прикрутили эмблемы военно-строительных войск с изображением бульдозера, молний, якоря и еще нескольких мелких деталей. Называется в среде военных строителей просто «трактор». Отбой сержанты стали как-то вяло проводить. С одной стороны обучение закончилось, с другой «духи» здорово натренировались и процедура «взлет-посадки» не могла принести столько радости сержантам от неуклюжих действий «духов».

Как-то глубоко после отбоя Куликова разбудил Морбинчук.

– Володя, Володя, – тряс он Куликова за плечо, – да проснись ты, наконец.

Куликов приподнялся, опираясь на локоть, и, ничего не соображая, смотрел на Морбинчука.

– Давай просыпайся, есть новости.

– Валера? Что случилось? Война?

Морбинчук задал встречный вопрос:

– Ты умеешь на машинке печатать?

– Одним пальцем печатал, – ответил Куликов, все еще плохо соображая, где он.

– Ерунда, научись, все ж лучше, чем на стройке пахать. Я тебе место нашел, на машинке стучать в Управе. Я там работаю, пропуска выписываю, а по вечерам телефонограммы передаю. Димка Камышин на коммутаторе сидит, тоже непьльно. Вадик Соболев –

сантехник, целыми днями в подвале спит. Феля Дорман, этот спец по компьютерам, офицеры в них почти поголовно профаны, на него смотрят как на бога. Еще Толстый с нами работает...

– Валера, – взмолился Куликов, – что от меня требуется, жутко хочу спать.

– Подожди спать, для тебя это шанс не попасть на лопату. Еще не раз спасибо скажешь.

– Я же печатать практически не умею.

– Буквы, знаешь?

– Буквы, знаю.

– Ну, вот. Они там написаны только дави, да дел-то на копейку. Лучше им все равно не найти. К тому же, пока они разберутся, пройдет полгода. За это время зайца можно научить курить, а уж рядового военного строителя с университетским образованием на машинке печатать – тем более. Это все ерунда, главное, там можно не опасаясь хранить свои вещи. Побрился, одеколоном побрызгал – жить хочется. Посылки самому получать, а не с прапором ходить и еще с ним делиться. Мало ли благ, потом поймешь. Единственно – в Управе продать нечего, на стройке материалы – живые деньги. Ты воровать-то не умеешь, на стройке делать нечего.

– Воровать не умею, это точно. Даже своего не сумел сохранить. Позавчера пропала зубная паста и щетка.

– Володя, все это мелочи. В Управе никто ничего не возьмет. Так как, согласен?

Морбинчук достал лист бумаги и авторучку.

– Специально взял с риском, что сопрут за ночь.

– Учитывая, что на все время и случай, а я жутко хочу спать, то я на все согласен. Пиши.

Морбинчук записал фамилию, имя Куликова, где учился, возраст, семейное положение.

– Ты не удивляйся, что я так расспрашиваю, придется пробивать армейскую тупорылость.

А это не просто и не быстро. Тебе придется на стройке немного поработать, пока я там раскручу это дело. Не расстраивайся, потом больше ценить будешь прелести Управы. Спокойной ночи.

Морбинчук ушел. Куликов, едва коснувшись головой подушки, моментально уснул. Когда-то ветеран войны рассказывал, что однажды уснул на ходу. Тогда Куликов, как-то сомневался, а теперь понял как это, тут и без войны очень высокое нервное напряжение отключает солдата в любую свободную минуту в любом положении.

Последний день в учебной роте «духи» провели в основательно забытом безделье. Шло распределение по рабочим ротам. Сорок человек, в том числе Куликов, попали в первую роту. Примерно столько же – в третью и во вторую. Вторая рота отряда располагалась где-то на северной стороне Севастополя, о ее демократическом устройстве ходили легенды. Комбат и штаб далеко, забор низенький, полная свобода. Это конечно только легенды.

На общей поверке комбат Линевиц, все время, потирая руки, произнес эмоциональную речь. Заканчивалась она обнадеживающими словами, сказанными на очень высокой ноте: «Если хотя бы один волос! Один волос!!! Упадет с головы молодого пополнения, будем сажать». Речь командира вселила в «духов» надежду на выживание. Однако, казарма живет своей жизнью, не зависящей от речей командиров. Надежды «духов» на легкую жизнь не оправдались.

Глава 3. На лопате

Первая рота

«Нет, ты будешь убирать сортир, мразь долбанная!» – прохрипел сержант, наступая на бритый солдатский затылок. Трое крепких парней помогали сержанту наводить порядок. Они пытались сунуть головой в унитаз отчаянно упировавшегося солдата отказавшегося, из каких-то своих соображений, мыть туалет. Он считал, что не его очередь. Очередь была не его и сила не на его стороне.

Грязный сапог, преодолевая сопротивление мышц шеи, медленно клонил голову к жерлу унитаза. Глова погрузилась в вонючую жижу, сержант убрал сапог и опять наступил на вынырнувшую голову. «Блатные», весело смеясь, прекратили экзекуцию. Куликов в армии уже много чего видел, но такого... От этого он, даже подзабыл зачем пришел в обширный туалет батальона и стоял как вкопанный.

Проходя мимо, сержант с улыбкой сказал: «Че профессор, удивлен методом воспитания? Не в угол же ублюдка ставить».

Куликов живо представил, что если бы он в школе, того парня, что заставлял других вместо себя дежурить при помощи старшеклассников окунул в унитаз, – Мать-моржиху, директора школы, просто Кондрат схватил бы. Ему даже, стало как-то весело от этой мысли. Он подумал: «Это защитная реакция организма на стресс».

Туалет разделен на две половины. Она занята вмурованными в бетон унитазами, а другая двумя рядами умывальников. Туалет часто становится ареной сведения счетов или просто расправ над непокорными. На вечно мокром полу нередко виднелись расплывающиеся пятна крови. Обычно, кто-то стоит на стреме и отсылает пришедших в сортир по малой нужде на расположенный рядом хоздвор. Это значит, что в туалете идут очередные разборки.

В первой роте Куликов получил кличку «профессор», потому что в очках, даже те, у кого было слабое зрение, старались очки не носить, но не Куликов конечно. Ну и знания помогали. К нему часто обращались как к последней инстанции в разрешении различных споров на исторические темы. Он, к удивлению спорщиков, доказал невиновность Екатерины Второй, обвиняемой в продаже Аляски. Для солдат было открытием, что Аляску продали через много лет после смерти императрицы. Диапазон солдатских споров поражал, так же как и неосведомленность спорщиков.

В первой роте «духов», без видимых причин не били. Ради развлечения вечерами устраивали «взлет-посадку», но как-то вяло, в основном по пьянке и без особой злобы.

В первый же день при переводе «духов» в первую роту после отбоя часов в 12 ночи, как обычно приехала с работы вторая смена. День у них был удачный. Продали налево почти целый грузовик кирпича. Севастополь активно строился, а стройматериалы были в дефиците, поэтому обладали повышенной ликвидностью. Вот на вырученные средства парни и выпили. Приехали на Горпищенка, а тут новость «духи» пришли. Это радость, значит дембель, стал ближе и как же после удачного дня не покуражится.

– «Духи, подъем!», – Услышал Куликов пьяный голос.

«Началось, в колхозе утро», – подумал Куликов, решая задачку что делать? Для себя он ее давно решил, жить по уставу, который он читал, а в эти игры с дедовщиной не играть.

Накануне в казарме прорвало трубы отопления. Холод заставлял укрываться одеялом с головой и согреваться собственным дыханием. Лежа под одеялом, Куликов слышал, как заскрипели кровати и зашлепали по полу голые пятки «духов». «Может быть это непорядочно, слово то какое-то неподходящее, – мелькнула в голове мысль, – прячусь как страус под одея-

лом, когда издеваются над людьми, – решал Куликов нравственную задачу. – Хорошо, сейчас встану и скажу, что, мол, все люди братья, прекратите баловаться. Давайте жить дружно. Идиотизм. В лучшем случае побьют, и никто не заступится. Жаловаться командирам, бесполезно и себе же дороже. Стукачей в казарме ненавидят все – от „авторитетов“ до последних чмошников. Завернут в одеяло и выбросят в окно так было... Ладно, вариантов, два: вступить в переговоры, если поднимать станут, прочитать им проповедь о священном долге службы в армии, что мы братья по оружию, которого у нас нет, и если завтра война мы все как один... Это может сработать, потому что для них это магические слова телевизора и они могут завораживать. Если нет, вариант второй: устроить тут Фермопильскую битву. В проходах мало места и шансов больше у одного против нескольких и дужка кровати снимается...».

– А этот че лежит? – прервал размышления Куликова голос у его кровати.

«Ага, что ж, вот этому придется дать первому по сопатке, а дальше видно будет», – мысленно ответил Куликов, сжимая кулаки.

– Пусть лежит, он старый как моя бабка, – сказал кто-то смеясь.

Непосредственная угроза миновала, но Куликов чувствовал – адреналин, как в детстве перед дракой.

Среди солдат и сержантов Куликов не был самым старшим. Старше был двадцативосьмилетний сержант по прозвищу Старый. Он действительно выглядел значительно старше своих лет, жизнь так сложилась и отпечаталась на лице. Для девятнадцатилетних пацанов, составивших большинство, он казался очень старым, его так и звали – Старый или, реже, другим прозвищем Батя. Старого-Батю уважали не только за возраст, но и за пудовые кулаки.

Следующей ночью роту поднял комбат, небывалое событие. Все построились в проходе между кроватями. Линевиц обошел строй, особенно тщательно всматриваясь в лица «духов». Улыбаясь и потирая руки, он сообщил, что на плацу большая лужа крови, но к его изумлению все целы, и что уж совсем для него поразительно, в части, ни одного самовольщика не обнаружено. На прощание Линевиц в очередной раз пообещал, что будет сажать, чтобы потом не плакали и на него не обижались, он предупредил. Ну и в таком духе минут пять воспитывал личный состав.

Лужа на плацу действительно могла поразить воображение, словно свинью зарезали и выпустили кровь. Куликов видел эту лужу утром, спеша на развод.

На разводе комбат, как обычно, призывал хорошо трудиться, отрабатывать долги, обещал в случае чего «всех пересажать». Это Линевиц говорил очень радостным голосом: «Будем сажать!», потирал руки, прохаживаясь вдоль строя на негнущихся ногах. Отработка долгов – это еще одна обязанность солдат стройбата. Так как им начислялась зарплата на некие личные счета в отличие от других солдат Советской армии с этих счетов погашался долг возникший сразу по прибытии на службу. В этот долг входила стоимость обмундирования, питания – сорок рублей в месяц, за белье, баню, прачечную, семь рублей – «получка» и тому подобное. К концу службы кто-то так и не мог погасить этот долг, и государство его великодушно прощало при демобилизации, а кто-то зарабатывал неплохие деньги, которые получал на руки, уходя на дембель. Все зависело от характера работы каждого конкретного солдата. Куликов в первый месяц трудов разнорабочим на стройке заработал 50 рублей, а его долг после карантина составлял более 200 рублей.

Бригада Ковтуна

На плац въехали грузовики, оборудованные деревянными будками. В будках солдаты ездят на работу. Солдаты стали вяло грузиться.

Куликов попал в бригаду Ковтуна разнорабочим. Бригада работала в самом сердце Севастополя, четвертый участок – штаб флота.

Отлынивать от работы Куликов не умел и поначалу сильно уставал. Самые грязные, малооплачиваемые работы на стройке, выполняли военные строители, среди которых львиную долю работ делали «духи» за копеечную зарплату. Деньги уходили на оплату труда гражданских рабочих, попробуй не заплати ему достойно, он уйдет, он везде требуется. Солдату некуда идти, разве что в дисбат.

Бригада в подвале строящегося дома имела в своем распоряжении бытовку с железной печкой «буржуйкой», двумя скамейками, сколоченным из досок, крепким столом и железными шкафчиками для одежды. Все более-менее ценное хранилось в этих шкафчиках. В бригаде у своих воровать было не принято. В роте без присмотра ничего оставлять нельзя – «поднимут» – украдут, значит. Бригадир сержант Ковтун сказал своим «духам»: «Все, что есть, забирайте на работу. В роте поднимут, концов не найдешь. У нас все будет в сохранности, мы у своих не ворует. Вы меня поняли, надеюсь». «Духи» еще не успели обзавестись хозяйством, и перевозить на стройку, в бытовку им было почти нечего. Куликов привез зубную щетку, пасту и станок для бритья. Все, что он приобрел в магазине на территории части взамен украденного.

Бригада Ковтуна после осеннего аврала получила передышку. За несколько дней построили деревянный забор вокруг стройки. Столбы забора добросовестно забетонировали, вечно стоять могут. Бетонирование столбов вызвало много шуток в адрес будущих поколений военных строителей, которые будут эти столбы выкорчевывать, по окончании стройки. Несколько раз в день разгружали грузовики со стройматериалами. Куликов подпирая плечом длинный швеллер, впервые увидел памятник командиру бригады «Меркурий» – Казарскому. В 1829 году «Меркурий» каким-то чудом отбил от двух турецких линейных кораблей. Чудо заключалось в том, что мертвый штиль остановил турок, а «Меркурий» имел штатные весла и ушел от них. Герои особенно на море были нужны, потому что Россия, что не говори, сухопутная держава. Вот Казарский и был объявлен героем, стал флигель-адъютантом царя, и был отравлен мышьяком в Николаеве, куда приехал для ревизии тыловых складов черноморских портов. Кажется на виду памятник, а вот не замечал, не до того было. Швеллер, усилиями всей бригады опустили в бетонированную щель основания мемориала в честь героев обороны Севастополя. Переводя дух, Куликов облокотился на парапет. В дымке виднелась Северная сторона, серые военные корабли в бухте, совсем рядом колоннада Графской пристани, Нахимов на постаменте. «Странно, – подумал Куликов, – почему адмирал Нахимов стоит спиной к морю?». «Эй, Куликов. Пошли» – позвал Ковтун. – Работа не ждет». Куликов обернулся на голос и подумал еще про адмирала, а не про работу: «Вероятно потому, что Россия, держава сухопутная и даже адмирал душой в море, но с оглядкой на сушу».

Бригадир Ковтун показался Куликову справедливым человеком. Он собрал с «духов» деньги, не хочешь или нет денег – не проблема. Купил в буфете штаба колбасы, булочек, сигарет – кто что заказал. Себе ничего не взял. Предупредил – без разрешения никуда не ходить. В обеденный перерыв провел экскурсию по окрестностям стройки. Показал гастроном, Владимирский собор с именами адмиралов Лазарева, Корнилова, Истомина и Нахимова на черных мемориальных плитах, вмонтированных в стены собора, памятник Ленину и ларек, где всегда есть мороженое. «Особенно опасайтесь патрулей, их тут как конь навалил», – сказал Ковтун под конец обхода.

Обедать солдат возили в часть на Горпищенка, когда были деньги, подкреплялись в бытовке пирожками или колбасой из гастронома, тогда в гастрономах еще была колбаса. Жизнь после голодного карантина стала приобретать для «духов» краски.

Куликов смотрел на невиданное им зрелище крупного военного корабля, входящего в бухту и поэтому пришел в бытовку позже других.

Ковтун буднично спросил:

– Где ты был?

– Девочек на набережной рассматривал, пошутил Куликов.

– Не ходи никуда без спроса. Попадешь в комендатуру, мне по башке дадут. А девочек, тут этого добра навалом. Подожди, летом слюной изойдешь. Бабы косяками ходят, почти голые. – Ковтун, очень ловко орудуя ножом, если учесть отсутствие большого пальца на правой руке, отрезал кусок хлеба и положил на него толстую шайбу колбасы. Еще до армии Ковтун отхватил палец циркулярной пилой, поэтому в принципе здоровый молодой человек и попал в стройбат. «Грамм сто с лишним», машинально на глаз взвесил колбасу Куликов.

– Садись, ешь, – сказал Ковтун, подавая увесистый бутерброд.

– Спасибо.

– Базарбаева не видел?

– Нет.

– Э, Азовсталь, – обратился бригадир к здоровяку мариупольцу – он с тобой работал.

– Черт его знает. Был все время.

Дверь отворилась, в бытовку вошел Базарбаев.

– Легко на помине, – не слишком ласково сказал Ковтун. – Где ты был?

Базарбаев виновато опустил голову, из под черных бровей блеснули черные не виноватые глаза. В них не было ни страха, ни раскаяния.

– Ты что не понял? Я говорил без спроса никуда. Чего молчишь, тебя спрашиваю. – Ковтун поднялся и поправил свитер на плечах. Разговоры стихли. «Духи» настороженно ждали развязки.

– Что с ним сделать? – спросил Ковтун у сидящей вокруг стола бригады. Все молчали. Тогда Азовсталь сказал:

– Пусть отожметсЯ двадцать раз.

– Слышал Базарбай? Упал и отжался: Быстро... Я жду – уже с угрозой в голосе сказал бригадир.

Базарбаев медленно присел, уперся руками в пол и принял исходное положение. Очень легко, сильно сгибая руки в локтях, выполнил упражнение.

– Ладно. На первый раз прощаю. Хорошо отжимаешься.

Инцидент был исчерпан. Некоторое время спустя, пришла машина. Пора ехать на обед. Грузились в строгой последовательности. «Духи» первые в самую глубину будки, ближе к заднему борту, где видно волю, сели «караси» последнюю лавку заняли бригадир и Азовсталь.

Инцидент с опозданием Куликова и Базарбаева решился по-разному в силу сложившегося в Горпищенском отряде порядка вещей. За то, что Куликову обошлось дружеской беседой, Базарбаеву пришлось отжиматься от пола двадцать раз. И это не было случайностью, скоро Куликов понял почему.

Национальный вопрос

В новом свете предстало и безмятежное братство народов. Куликов накануне призыва в армию участвовал в сборе вещей для пострадавших от землетрясения в Армении, пожертвовал небольшую сумму денег. Газеты писали об участии людей многих национальностей в помощи Армении и чуть раньше в ликвидации аварии на атомной электростанции в Чернобыле. Примеры дружбы народов были свежи и на этом фоне Нагорный Карабах, Сумгаит казались страшным недоразумением, вызванным скорее политическими неурядицами, чем национальными отношениями. В многонациональном армейском коллективе, с ослабленным контролем отцов командиров, напоминавшем Советский Союз в миниатюре, куликовские представления о дружбе народов сильно подкорректировались.

В первой роте и в Горпищенском отряде в целом «шишку» – власть держали «русские». В это понятие входили не только все славяне, примерно 300 человек, но и примыкавшие к ним представители других народов – татары, чеченцы, чувашаи, армяне и другие. Сто с лишним человек – народы Средней Азии, на стройбатовском жаргоне – «урюки», – не имели в своей среде лидеров, способных организовать их в борьбе за власть. Среди них выделялись казахи, державшиеся особняком. Часто они собирались и пели свои непонятные заунывные песни, нагонявшие тоску. Пели до тех пор, пока кто-либо из казарменных авторитетов не крикнет: «Кончай выть! И так тошно». С полсотни азербайджанцев – «азеров» выступали в любом конфликте как один человек. Кроме того, горпищенский отряд имел в своем составе два десятка представителей других национальностей, вынужденных примкнуть к трем основным национальным группам. Когда Куликов попал в отряд, власть крепко держали «русские», национально-освободительные драки остались позади. Куликову с удовольствием рассказали историю пятимесячной давности. Был большой призыв, отряд почти полностью укомплектовали «духами». Это так командование пыталось бороться с дедовщиной. Раскол произошел по национальному признаку, раз было невозможно разделить по сроку службы. И этот раскол был неизбежен, так как не отменили уборку туалета, чистку картошки, уборку территории, работу на стройке наконец. Все это нужно делать, а кому? «Духов» – нет!

Первыми, в силу сплоченности, опомнились «азеры». Они самоустранились от всех забот, подкрепляя свои права кулаками и численным перевесом в каждой конкретной точке конфликта. «Русские», выступали поначалу каждый за себя, и конечно проигрывали по всем пунктам. Быстро сообразили, что нужно объединять усилия. Несколько крепких физически парней, до армии успевших побывать под судом, сумели объединить вокруг себя остальных, среди них заводилой был парень по кличке Старый. Ему было аж 27 лет! Из которых, три года он провел на зоне. Переворот назначили на два часа ночи. Сонные «азеры» были избиты, но на этом война не закончилась. Через несколько дней один из вождей «азеров» ударил ножом в драке один на один организатора «русского» переворота. Власть – «Шишка», как говорили в отряде, – стала валиться из рук. «Подрезанного» парня отправили в госпиталь, якобы он баловался с ножиком и на него сам наткнулся. Командиры, как-то удивительно не в курсе того, что происходит к ним под носом, даже невзирая на некоторое количество стукачей. Видимо стукачи, не решились о таком стучать, вопрос принципиальный можно и самому на ножик «случайно» наткнуться.

После отбоя враждующие группировки собрались выяснять отношения, начались «разборки». К «азерам» частично присоединились «урюки», в целом человек сто пятьдесят, к славянам примкнули угро-финны, татары, короче все представители народов Российской Федерации и кавказцы, среди которых особенным пылом отличались чеченцы, примерно человек триста. В таких делах важно не количество, а вожди, а они у «русских» появились. Разговор постепенно зашел в тупик. «Азеры» пригрозили взяться за ножи. На этот демарш Старый отве-

тил: «Нас больше, и если мы в ответ за ножи возьмемся, вас в капусту порежем!». Длинные переговоры в которых принимали участие только лидеры, остальные даже не видели, что там происходит, снижали накал решимости. Старый, вероятно чувствовал это, так все проиграть можно. Тогда он обернулся к своим и громко сказал историческую фразу: «Да что мы с ними базарим! Они парня подрезали. Бей их мужики!». Старый говорил и одновременно нанес мощнейший удар с разворота ближайшему врагу и свалил его с ног. Тут все с воем кинулись вперед. Сопротивление почти не оказывалось. Выбитые зубы, сломанные челюсти и носы в итоге смена власти. Как и положено в любой революции, плодами победы воспользовались избранные. Унижение одних сменилось унижением других. Куликов слушая эти рассказы, думал, что в целом все это безобразие, конечно. Но в историческом плане – именно так империи и создаются. Основным источником, был «комсомолец» Кулыгин. О своей роли в войне он умалчивал. Тогда Куликов спросил его:

– Ты тоже участвовал в этой битве?

– Скажем так, я там присутствовал. Не в первых рядах. Ну, так пару раз кого-то пнул, раз мне в ухо прилетело. В общем вошел в число ветеранов. Тут ведь в стороне отсидеться не получится ты или со всеми или тебя затопчут свои же. Выбор не велик. Зато теперь у нас на Горпухе, не райские кущи, но крайностей тоже нет. Ты просто не представляешь, какой беспредел, был тут до этой войны. Сейчас все знают свое место и пределы допустимого. Для нормального человека – это тоже дурдом, но в нем есть свой порядок и место для выживания каждого индивидуума. Вот, чмошники, их ведь в петлю не пытаются загнать, так пнут слегка, чтобы не расслаблялись и знали свое место. А было иначе. – Кулыгин, задумался. – Да было значительно хуже. Дедовщина придавлена национальным вопросом и не принимает звериного облика. До вот этой нашей революции, тебе может показаться странным, но тут царил просто ужас, а теперь всего лишь обыкновенный кошмар.

– Ты слышал, что узбеку, тощий пацан, из моего призыва, безобидный, почки отбили? – Спросил Куликов.

– Видишь ли, – ответил задумчиво Кулыгин. – Я, как и ты могу лишь наблюдать со стороны за всем, что у нас происходит. Большого влияния на ход дел я не оказываю. Мне многое тут не нравится и я бы предпочел пройти все это заочно. Если честно. «Блатные» и «приблатненные», вот хозяева казармы, они задают тон, они выбирают немногих как объект для издевательств. Показывают всем остальным, кто хозяин. Из-за пустяка, этот узбек попал под раздачу. Недостаточно быстро выполнил распоряжение. Семеро «приблатненных» отбили ему почки. Его комиссуют, я в штабе слышал. Он настолько запуган, что даже инвалидность не заставила его назвать тех, кто его бил. Неожиданно прокуроры заинтересовались, и замять это дело, видимо, не удастся. Двое под следствием.

– Разве это что-то изменит? – Усомнился Куликов.

– Горбатого могила исправит, – согласился Кулыгин. – Командование борется с последствиями, а не с причинами. Что толку пугать дисбатом того, кто без чифира утром с постели встать не может, а пьют почти все поголовно, даже «истинные» мусульмане. Свинину не ест, а выпить не откажется. Тут одного парнишку изнасиловали, пользовались некоторое время. Командиры узнали, перевели его в другую часть. Никого не посадили. Зачем лишней судимостью показатели портить. Вообще, – рассуждал Кулыгин, – «блатные» менее опасны, чем «приблатненные». «Блатные» уже сидели, знают, что это такое и не хотят опять на нары, поэтому осторожны. «Приблатненные» не сидели и потому без тормозов.

Поднять одеяло

В связи с холодом в казарме, пошла эпидемия «поднимать» одеяла. Блатные, пользуясь влиянием на каптерщика, брали в каптерке по два-три тощих одеяла и особенно не страдали. Все остальные тащили одеяла друг у друга. Ночью снимали со спящих. Обворованные, скорчившись от холода, спали под одной простыней. Проснется, оденется и спит в одежде.

У Куликова два раза «подняли» одеяло. Оба раза он обращался к старшине роты. Бывший моряк мичман, с криво посаженной на толстую шею головой, имел обыкновение смотреть как-то исподлобья. Набывчившись. За эту привычку солдаты за глаза прозвали его «Бык». Мичман Бык, в первый раз, без лишних разговоров выдал Куликову одеяло, в каптерке их было великое множество. Второй раз на просьбу Куликова мичман Бык набылся сильнее обычного и сказал:

– За что я не люблю вас с высшим образованием, так это за то, что мы ходим по земле, а вы витаете в облаках. – Мичман расшифровал свою мысль, – у тебя подняли одеяло, и ты не зевай.

– Так что, воровать что ли? – спросил Куликов.

– Это меня не касается, воровать – не воровать, привязывать, прибивать, но одеяло я тебе в последний раз выдаю.

– Спасибо.

– Тьфу, – сплюнул мичман Бык, – на хрена мне твое спасибо? Для меня это слишком много, спасибо.

Когда у Куликова, через два дня в очередной раз «подняли» одеяло, он не пошел к мичману Быку, он пошел в угол казармы, где спали «блатные» и снял одно из трех одеял с чьей-то кровати. Благо, что одеяла все одинаково серые и отличить их весьма сложно, а «поднять» одеяло у «духа» Куликову было неудобно перед своей совестью. А тут очень хорошо взял одно из трех. Операция прошла незаметно. Куликов этот свой демарш с «поднятием» одеяла подвигом не считал, но и большим грехом тоже. Хотя если бы кто-то заложил его «блатным» у Куликова могли быть серьезные неприятности. Вероятно мичман Бык, если бы знал, то прослезился. Его наука, «ходить по земле, а не витать в облаках», давала плоды.

Первая рота выгодно отличалась от учебной роты уютом в спальнях помещениях. Аквариум с разноцветными рыбками, длинные дорожки на полу, чистота, в спальне ходили босиком, сапоги оставляли в коридоре. Немалая заслуга в этом была старшины роты мичмана Быка и вечно шуршащих вениками «духов».

Старшина мичман Бык накладывал морской отпечаток на всю роту. Бывший моряк все же. Морская романтика заключалась не только в образцовом порядке, она проникла в лексику роты. Спальное помещение – кубрик, столовая – камбуз. Старшина никогда не посылал провинившегося солдата мыть лестницу, обязательно трап. Табуретку называли баночка, кровать – коечка, туалет – гальюн, кокарда – краб. «Какая-то конно-морская авиация кирпичного боя». – Шутил по этому поводу Кулыгин.

После работы первую роту не обременяли строевыми занятиями, как например, третью роту расположенную этажом ниже. Командир роты капитан Серов, тихий, «как могила Шалыпина», – так пошутил все тот же Кулыгин, собиравший в свою актерскую коллекцию характеры, он надеялся вернуться в театр и покорить не только зрителя, но и сердце дочки директора. «Серов, служил в Афганистане, был ранен, такой героический персонаж, – просвещал Кулыгин, – возможно, поэтому он видит в солдатах людей, или почти людей. А командир третьей роты, капитан Малинкин, считает, что солдат должен испытывать постоянные неудобства, лучше мучиться. Хорошо, что ты туда не попал, они вон день, через день после работы еще и маршируют по плацу».

Куликов, посмотрел в окно кабинета комсомольца Кулыгина в штабе отряда, по плацу маршировала третья рота под речитатив «непобедимая и легендарная...»:

– Да, действительно в третьей роте, опять дискотека. – Повторил Куликов дежурную шутку первой роты по поводу бесконечных строевых занятий третьей роты.

Вечерами Куликов иногда заходил к Кулыгину, а чаще читал газеты, писал письма, смотрел телевизор в Ленинской комнате роты. Письма писал домой жене, родителям, родственникам даже довольно дальним, с которыми практически и связи никакой не поддерживал. Он рассчитывал, что они все напишут что-то в ответ и таким образом какая-то радость будет. Получить в армии письмо, не слишком обремененное гражданскими проблемами, это в любом случае радость. Цветной телевизор рота купила вскладчину с солдатской семирubleвой полочки. Поэтому, как ни странно, смотреть телевизор никому не запрещали вне зависимости от срока службы.

Куликова не трогали, он не вписывался в казарменную жизнь с ее законами. Точнее он нашел какую-то никем не занятую нишу в этом лесу населенном различными «животными», некоторые из которых были довольно опасны. Учитывая, что Куликов вел себя ровно со всеми, не выделяя, кто перед ним «блатной авторитет – медведь или волк», или «зачмуренный изгой-заяц», был одинаково вежлив, не ругался матом, хотя на нем все вокруг просто говорили. Возможно, инстинктивно все эти «львы», «медведи», «волки» и прочие «шакалы» увидели в нем какое-то странное животное, заброшенное в их лес волею случая, черт знает, что от него можно ждать от этого типа «жирафа». Поэтому и не трогали, других объектов хватало. А этот «жираф» мог даже быть полезен, как вскоре оказалось. В каких-то случаях Куликов разводил сгущающиеся тучи, спокойным тоном поясняя суть проблемы с уклоном в морально-этическую сторону происходящего. Он говорил так, как это принято в школе у заслуженных и перезаслуженных учительниц – старых умудренных опытом тортил. Видимо казарменным хулиганам – это напоминало «мычание» «священных коров», они ведь тоже учились в школе. А «священную корову» инстинкт и табу запрещают трогать.

Куликов старался не нарываться на неприятности, но твердо отстаивал свои позиции. Один из «приблатненных» обратился с вопросом «был ли кто-то из американских президентов Героем Советского Союза». На первый взгляд странный вопрос, но учитывая, что в стране свирепствовала Перестройка и Гласность, кавардак в головах неокрепших разумом людей был изрядным. Радио, телевизор, поливали исторической правдой население отчего у некоторых вообще ум за разум стал заходить.

Разговор получился следующий:

– Эй, очкарик! Кто-нибудь был из президентов штатов героем Союза, а?

Куликов выдержал паузу и спокойно ответил, отложив газету:

– Меня зовут Владимир. Очкарик, согласишься, звучит как-то невежливо. А тебя как зовут? «Приблатненный» пацан просто не знал, как на это реагировать и сказал:

– Костя...

– Очень приятно, Константин, – сказал Куликов и дал исчерпывающую справку о генерале Эйзенхауэре и его ордене «Победа». Все это происходило в присутствии многих солдат. Понял или нет Костя, что обзывать нехорошо, однако, больше никто очкариком Куликова не называл.

Два раза в неделю в клубе показывали старые фильмы с болванами-фашистами и молодцами советскими разведчиками. Обычно сеансы сопровождалось дружным храпом зрителей. Стройка, темень, тепло, много раз просмотренный фильм усыплял лучше снотворного.

В субботу политзанятия, каждый взвод занимался отдельно. Сержантов начальник штаба Корбу, очень толстый, похожий на бочку кваса затянутую в не по размеру маленький мундирчик. Корбу – любил поучать, не мог пропустить мимо себя солдата, чтобы не прочитать ему какую-то банальную нотацию. Поэтому встречи с ним старательно избегали все, даже мич-

маны и прапорщики, не говоря уже о сержантах и солдатах. Сержантов командование выделяет из общей массы. Главный критерий отбора сержантов – сила. Власть, данную сержанту Уставом, подкрепляли физической силой. В немногих случаях сила совпадала с другими человеческими свойствами.

Нужно обладать твердыми представлениями о добре и зле, чтобы в восемнадцать лет, не имея опыта, пользоваться властью над людьми. Устав предписывает сержантам обучать и воспитывать солдат. Чему Куликова мог обучить сержант, которого самого ничему не научили. Военных строителей ничему военному не учили. Учить некогда, нужно выполнять план строительства. И все же по Уставу «Подчиненные обязаны беспрекословно повиноваться начальникам». Выделяя из массы, командиры прямо или косвенно внушают сержантам их значительность. Некоторые сержанты не выдерживают испытания, начинают верить в свою непогрешимость. Спасает «дедовщина», слишком зарвавшихся кулаками ставят на место. Не помогает и то, что сержантов в основном выбирают из физически крепких ребят. «На каждого богатыря есть свой «винт». – Сказал Кулыгин, когда они с Куликовым обсуждали тему «сержанты и их место в стройбате», при этом Кулыгин налил Куликову полстакана домашнего вина приобретенного по случаю на базарчике около почты. Кулыгин, будучи младшим сержантом и штатным «комсомольцем» отряда был обязан ходить на почту отправлять письма, посылки, и приносил соответственно с почты письма и мог проводить солдата для получения посылки.

Еще в учебной роте Куликов столкнулся с отношением офицеров к сержантам. Ерошин (Менстрик) спросил сержанта Олега, командира отделения «духов», восемнадцатилетнего непосредственного начальника Куликова, где солдаты его Олега отделения. Олега, по натуре добрый парень, ставший сержантом благодаря выпиравшей из-под гимнастерки мускулатуре (результат серьезного увлечения плаванием), растерялся. Олега был в тот день дежурным в столовой и просто не знал, что все сидят в техклассе и Устав «читают». Куликов попытался выручить Олега, с которым немного подружился, и сказал, что все сидят в техклассе. Ерошин, не обращая внимания на пояснение, не для этого он спрашивал Олега, бросил фразу из которой Куликов все понял: «Какой-то солдат знает. А сержант не знает, где его люди». Вот это «какой-то солдат» все прояснило для Куликова, не надо отвечать на вопросы, ответы на которые тебе знать не положено. В царской армии солдат мог ответить «не могу знать, ваше благородие!». Благородия погибли на Перекопе, вместе с благородством. Офицеру, который не проявляет человеческих качеств по отношению к солдатам, типа Менстрика, бесполезно что-либо у солдат спрашивать. Ни кто ничего не знает, а если даже знают – не скажут, хоть пытай.

Трудный день

Самым тяжелым днем для Куликова стало воскресенье. Время словно замирало. Делать нечего. На поверхность всплывала тоска по дому. Увольняшки – увольнительные записки в город выдавали скупно. Первый месяц «духов» вообще не пускали в увольнение. Приходилось сидеть в части, глядеть на высоченный забор, отделявший от гражданской жизни. Мичман Бык и капитан Серов разрешали по воскресным дням спать, сколько влезет. Единственное требование, раздеваться и ложиться под одеяло. Лежать одетым строго запрещено. Кое-кто в виде компромисса, забирался под одеяло одетым. Так в холодной казарме теплее и потом одеваться не нужно, если спать надоест. По воскресеньям ходили в городскую баню, что была напротив кинотеатра «Севастополь». Бойкое место. Можно стрелнуть сигарету, тогда начинался табачный дефицит. Каждую сигарету курили двое-трое солдат. «Оставь покурить» в части слышалось чаще, чем «здравия желаю».

Севастопольцы охотно угощали солдат сигаретами. Нестарый мужчина, к которому обратился Куликов, долго извинялся за отсутствие сигарет. Он, хорошо понимал, что значит отказать солдату в такой малости. Просто стыдно, тем более, сам был солдатом. Куликов подумал, что настоящий человек не обидит собаку или солдата.

В бане тесновато. Спустя минут двадцать, «духов» прогоняют: «Хватит плескаться, мало еще служили». Куликов из принципа не уходил, но его и не прогоняли. Он уже вышел из разряда «духов», не ощутив на себе в полной мере «духовскую» жизнь. Физически он не испытывал угнетения. Морально тяжело переживал происходившее, не в силах что-либо изменить.

В предбаннике, натягивая сапоги, рыжий солдат вымазал руки гуталином. Озабоченно осмотрел их и тщательно вытер о занавеску. Что ее жалеть, его бы кто пожалел.

Из бани шли небольшими группами вот и КПП (контрольно-пропускной пункт) части. «Куликов! Тебя вызывает замполит Гурьев». – Крикнул через окошко дежурный по КПП сержант. – «Он у себя, в штабе».

Куликов отдал банное полотенце Слонову, тоже попавшему служить в первую роту и повернул от КПП в штаб.

«Зачем он меня вызвал? Может быть, хлопоты Морбинчука увенчались успехом?», – думал Куликов, о чем-то дурном думать не хотелось.

Длинный штабной коридор, много дверей с табличками, там в самом конце коридора кабинет Кулыгина, там комитет комсомола части находится. Направо кабинет комбата Линевича, напротив начальник штаба Корбу. Рядом кабинет замполита части майора Гурьева.

Куликов поднял руку постучать в дверь, кисть мелко задрожала, стуча по воздуху. Куликов глядел на свою руку – даже стук в дверь определяет положение человека. Вспомнил где-то прочитанную цитату из Бакунина: «От свободы нельзя отрезать ни кусочка, ибо в этом кусочке и сосредоточивается сразу вся свобода». «От моей относительной свободы отрезали увесистый кусок. Даже стуком в дверь подсознательно хочу угодить человеку, к которому попал в зависимость. Он – командир и значит всегда прав? Нет, не дождетесь». – Куликов три раза стукнул в дверь. Звук получился «несколько наглый» с удовольствием заметил Куликов.

– Товарищ майор. Рядовой Куликов по вашему приказанию прибыл, – доложил Куликов.

– Заходи. Садись – ответил Гурьев. – Как служба?

– Все нормально.

– Жена пишет?

– Да. Недавно письмо получил.

– Конечно, нелегко ей с ребенком. Ну такова женская доля. Мужья Родине служат, а женщины детей воспитывают. Она кто по профессии?

– Филолог. В школе русский язык и литературу преподавала.

– Работает?

– Нет. Ребенок еще маленький. Девять с небольшим месяцев. Какая тут работа.

– Да, трудновато. Без бабушек, дедушек не обойтись.

Куликов промолчал, размышляя: «И куда ты клонишь, майор, домой-то все равно не отпустишь, и я все равно не расплачусь от твоего пустого и мнимого участия. Ты бы лучше замполита Сарова-Хлопотуна контролировал, может я тебе и поверил бы». Майор как будто считывал часть мыслей Куликова.

– Ничего, еще немного послужишь, поедешь в отпуск. Ты ведь парень серьезный. Грамотный. Такие в армии нужны. «Нахера, они там нужны, – матом подумал Куликов продолжая кивать в ответ на слова майора». – Я вообще считаю, – рассуждал майор, – что женатых солдат, тем более если хорошо служит, в отпуск обязательно отпускать нужно... И для других пример хороший. Сам знаешь, какой тут у нас народ. Дедовщина, землячество и другие безобразия. С этим бороться нужно. Тебя в роте не обижают? Как там обстановка? – майор пытливо посмотрел на Куликова в упор.

– Обстановка? Разная. Лично меня не обижают.

– Это хорошо. Ты там, в роте смотри, чтобы молодых не обижали. И других нарушений у нас еще много, сам знаешь. А уж мы будем принимать меры. Понял да?

Этим дебильно-армейским «понял да» майор просто помог Куликову собраться и принять решение. Он действительно понял: «Вот теперь понял. Товарищ замполит собрался записать меня в сексоты». Вслух Куликов сказал:

– Вы хотите записать меня в стукачи? Очень мило.

– Ну зачем же так. Не стучать, а помогать порядок в армии наводить. Страна нуждается в сильной армии или не так?

– Извините, но я для этой роли не гожусь, – сказал Куликов.

– А я и не заставляю, иди подумай. Если что – заходи. Понял да? – майор изобразил на лице скуку.

Гуманизм или просто покурим?

Из штаба Куликов вышел с плохим настроением. С одной стороны, он считал, что поступил правильно, с другой майор мог сделать оргвыводы. Какие именно, вот что заставляло задуматься. Он зашел в беседку покурить и обдумать ситуацию. В центре беседки стояла полная до краев мусорница, Куликов выбрал наименее засоренный окурками и плевками угол. Напротив, на скамейке, сидел Киселев. В грязных руках он держал лохматую кипарисовую ветку, его прислали подмести беседку.

«Падший ангел» при виде Киселева с веткой в руках подумал Куликов и машинально посмотрел на свои огрубевшие, мозолистые руки. Ногти в траурной окантовке вызвали воспоминание. В карантине ногти за неделю сильно отросли. Просить ножницы у сержантов Куликов не стал. Чужой опыт подсказывал – в лучшем случае пошлют подальше. В бытовой комнате он кроме здорового рашпиля ничего не нашел. Рашпиль он использовал в качестве пилки для ногтей.

Лицо Киселева под грязной старой шапкой, с выцветшей кокардой несколько оживилось, когда Куликов достал измятую сигарету.

– Дядя Володя, оставь покурить, – «духи», с которыми Куликов был в карантине, называли его, полусуто-полусерьезно, дядя Володя». Для остальных солдат он бал «профессор» или просто «эй, ты». На последнее Куликов не отзывался.

Куликов закурил. Медленно выпустил дым сквозь металлический узор ажурных стен беседки – дело рук одного военного строителя мастера при помощи сварки создавать практически произведения искусства.

– Как ты умудрился довести новую шапку до такого состояния? Ты бы, что ли хоть умылся. Не знаю, – посоветовал Киселеву Куликов. Киселев с появившейся в глазах осмысленностью следил за дымящейся сигаретой и отвечал:

– Я обменял свою шапку на эту, у меня работа все равно грязная мне не надо.

– Отобрали, значит? – Куликову как-то жаль было этого бедолагу Киселева, но он искренне не знал чем ему можно помочь. В беседке появился еще один солдат – парень среднего роста.

– Покурим, профессор? – спросил солдат.

– Я уже курю, вон с ним, – кивнул Куликов в сторону Киселева.

Солдат посмотрел на вновь погрузившегося в анабиоз Киселева и сказал:

– Эй, ты. Пошел вон!

Киселев быстро поднялся и что-то сказал невнятно

– Что!? – возмутился солдат, – Ты мне еще дискуссию устраиваешь. Вон отсюда! – Он подкрепил свои слова увесистой оплеухой. Потирая щеку, Киселев ушел.

– Ненавижу чмошников, только оболочка человеческая осталась, – сказал солдат, присаживаясь рядом с Куликовым.

– Он, в сущности, не виноват. Его никто не учил выживать...

– Нет, – перебил Куликова собеседник, – у него нутро гнилое. Такого учи не учи – все без толку.

– Возможно, люди разные, но ведь кто-то должен думать и о слабых. А так загнали всех в воду. Выплывет – хорошо, не сумеет – тоже. А как же гуманизм, черт бы его побрал.

– Думать о слабых? Отцы командиры пусть думают, им за это хорошую зарплату платят. А гуманизм – это кто сильный, тот и прав. Будешь сюсюкать – сомнут. Я призвался, вся часть «духи», порядка нет, беспредел. Все стали авторитет зарабатывать. Кто послабей – тому по роже. Я сначала, как ты говоришь гуманизм проявил, держался в тороне. Потом смотрю и меня сожрут. Пару тройку урюков отоварил. Выкарабкался.

В третьей роте, я сначала в третьей был, мафия, человек шесть – семь всю роту в руках держат. Я с ними кентовался. Не то чтобы они мне нравились, но самому спастись надо. Потом вижу, они деньги трясут с чмошников, еще там дела разные. Нет, это не по мне. И я от них отошел. Как-то в туалет захожу, а там света нет, с улицы вообще темно хоть глаз коли. В ухо заехали, кто – не видел, только искры, хоть прикуривай. Ты сигарету-то дай. Совсем сгорит.

– Извини, заслушался. Интересно излагаешь. – Куликов отдал окурочек. – Давай хоть познакомимся. Тебя как зовут?

– Олег.

– А меня Владимир.

– Очень сильно приятно, – хмыкнул Олег и пожал Куликову руку. – Очухался я на полу. Понятно, что работа моих друганов. Полтора зуба как не было. Внешне они со мной не ссорились. Я немного боксом занимался и до армии бывало дрался. Я им полезен был, вот меня и предупредили. А тут еще со старшиной роты повздорил...

– А зачем ты мне это все рассказываешь? – Насторожился Куликов, вспомнив предложение майора стучать.

– Ну а кому тут, – Олег показал пальцем куда-то за пределы беседки, – это можно рассказать? Ты про гуманизм спросил. Вот я и говорю про гуманизм. Старшина третьей роты, жирный прапор такой, знаешь?

– Видел.

– Он на меня зуб заимел. Я как-то не удержался и подшутил над его дурацкими нравоучениями. Он запомнил. И ты профессор запомни, они все не любят людей с образованием выше церковно-приходского, как у них. Я, лично, учился в техникуме, ну прапор запомнил и все наряды стали мои. С наряда по роте в ночь на разгрузку вагонов. Все вагоны были мои. Как говорят, что вагон на станцию пришел, я выхожу из строя, не жду, пока прикажет. Эта жирная свинья даже улыбаться стал. Наразгружался я досыта. Хуже всего алебастр. Респиратор сразу забивается, дышать нечем. Снимаешь и погнали. Полночи двое разгружают полвагона, вое спят. Потом меняемся. А то только мешаем друг другу, дверь-то одна в вагоне и до утра не поспишь. Утром на работу собираешься полные легкие алебастра, сплюнешь, слюна пополам с алебастром на лету твердеет. Поработал так месячишко, нормально. Ну думаю, пропал. Или старшина за... или блатные прибьют.

– А командир роты что, мог бы, наверное, на другую работу перевести, или я не понимаю что-то? – спросил Куликов.

– Так от него все это и идет. Он еще в начале собрал сержантов. Сам же их и отбирал, одни блатари. Сказал: «Меня не интересует, как и что. В роте должен быть порядок». Вот они и лупят всех подряд, для порядка. Среди ночи поднимают и по рогам. Сами делают, что хотят. Их Малинкин покрывает. Ему главное, чтобы рота в глазах начальства была образцовой. Своего не упустит. Корбу в отпуск идет, кто остается начштаба? Малинкин. Он еще и комбатом будет, распространит свой опыт на всю Горпуху. Какой тут гуманизм? Где ему спрятаться, тут главное карьера.

– И как же ты спасся? – Куликову стало интересно, как спасаются в таких случаях, так как и его личные горизонты заволакивали тучи.

– Смекалка. Капитан Серов люто ненавидит Малинкина. Я подошел к нему. Так и так. Выручай. Он устроил мне перевод в свою роту. Уж не знаю, под каким предлогом уболтал комбата, но я перешел в первую роту. Серов нормальный мужик. Он к комбату стучать не бегаёт. Если что натворил, заведет в канцелярию, даст пару раз по морде. «Больше так не делай». «Понял, товарищ капитан». Малинкин тот засадит на дизель, не сморгнет. И, главное, ничего, не докажешь. В крайнем случае, он сдаст сержантов. Сам-то он никого не бьет.

– Олег, ты откуда родом? Вечерами слушаю на поверке фамилии. Твою постоянно по-разному читают. Никак не пойму как правильно, но ты всякий раз отзываешься.

– Простая греческая фамилия Кануклис. От Греции мы оторвались лет сто назад. Все предки в Киеве жили, я тоже там родился.

– А ты оренбургский?

– Нет. Из Оренбурга призвался. Туда по распределению попал, как в рабство на три года. Полтора отработал, а на оставшийся срок в армию угодил. Хотя армией это назвать сложно, служу, как видишь.

– На стройке, я понимаю, а что в школе уже учителей невпроворот? Тебя учили, учили, деньги тратили. Потом – трах в дурдом. Вернешься с дыркой в голове. Ты же потом чуть что прибьешь учеников. Опять же забудешь тут чему учили, будешь из школы выпускать безмозглых. Их опять в стройбат загребут. Круговорот людей в природе. Вот я до армии два года работал водителем. Почту развозил. У меня была машинка «каблук» с правым рулем, как в Англии, чтобы не выходить из машины на проезжую часть, а сразу на тротуар. Худо-бедно баранку крутить умею. Это я к чему говорю. Водителей в учебку набирали, меня не взяли. Взяли таких, что только козу по полю водить. Да и то разобьет.

Голова о пользе дела у командиров не болит, сто процентов. Заслали меня в бригаду штукатуров. Потом на 54-й завод, на пилораму. Уже там я прокрутился и вышел на дедку одного. Ему водила нужен был. УАЗ бортовой, что довести, подвезти. Живые деньги. Бензин налево. Нормально. А на стройке я с индейцами работал.

– С урюками, что ли? – Догадался Куликов, потому что, под прозвище «индейцы», солдатская фантазия могла подогнать только «урюков».

– Да, помнишь кино про индейцев. Гойко Митич – вождь племени, а индейцев монголы играют. Фильм совместный ГДР и Монголия. Наши индейцы еще сто очков вперед дадут монгольским. Веселые и очень смысленные. Они в основном прикидываются, что по-русски не понимают, все они понимают, лучше, чем мы еще. Работать с ними одно удовольствие. Что они только не придумывали, только бы не работать! Насос раствор на этажи подает. Они бревном шланг подпрут и всем племенем навалятся. Давление большое шланг лопается, или чаще срывает с насоса. Индейцы, как ни в чем не бывало, кричат из окна: Раствора давай! Нет раствора – нет работы. Лежат, загорают. Или цемент привезли. Индейцы работают как вареные. Только остается цемента килограмм 200—300. Они пошушукались по-своему и давай метаться. По два полных ведра тащат и не гнутся, высыпают куда попало. Полчаса – нет цемента. Нет цемента, нет работы. В ночную смену просто кино. Провода освещения «сопли» алюминиевые висят по всем подъездам. Они их в десятке мест переламывают а снаружи не видно, попробуй найди. Нет света, нет работы.

– Значит с индейцами работать можно? – Улыбнулся Куликов.

– Это да, с ними только поговорить сложно, а я поговорить люблю.

– Я заметил.

– Ну ладно. Будут проблемы – заходи. Помогу, чем могу. Я пошел. Привет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.